МАКСИМ
АВДЕЕВ
Убийства
хорошего
тона

Максим Авдеев

Убийства хорошего тона

«Автор»
2026

Авдеев М.

Убийства хорошего тона / М. Авдеев — «Автор», 2026

Лорд Эштон достаточно богат, чтобы не работать, достаточно хорошо воспитан, чтобы иногда об этом сожалеть, и слишком любопытен, чтобы спокойно пройти мимо трупа.У него яркие ореховые глаза, безупречная родословная, несколько историй, о которых Лондон предпочитает сплетничать шёпотом, и Бернард — дворецкий, много лет безуспешно пытающийся сохранить хотя бы видимость порядка.Убийства случаются среди людей приличных. Поэтому почти всегда начинаются с улыбок, хорошего вина и уверений, что присутствующие терпеть не могут сплетен.Эштону остаётся выяснить, кто врёт лучше остальных.Цикл викторианских детективных историй о лорде Валентайне Эштоне — человеке, который никогда не искал преступлений специально. Они почему-то сами находят его.Викторианская Англия здесь — основа авторского мира, а не историческая реконструкция. Некоторые реалии эпохи намеренно переосмыслены в интересах сюжета и характеров.

© Авдеев М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Скорпион в шоколаде, или Литературное общество «Семь фонарей» 5
Неприличное исчезновение мистера Розена. Часть I 23
Неприличное исчезновение мистера Розена. Часть II 39
Сажа и засахаренные фиалки 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Максим Авдеев
Убийства хорошего тона

Скорпион в шоколаде, или Литературное общество «Семь фонарей»

Лорд Валентайн Томас Эштон понял, что вечер безнадёжно испорчен, ещё до того, как подали шампанское.

Дом леди Уэтерби был залит светом, переполнен людьми и заставлен белыми лилиями. Их тяжёлый сладковатый запах смешивался с сигарным дымом и горячим шоколадом, который разносили из зимнего сада. За высокими окнами моросил мелкий ноябрьский дождь. Кареты одна за другой подкатывали к крыльцу, лакеи принимали мокрые плащи, а из гостиной время от времени долетал смех — звонкий, оживлённый, похожий на посуду, которую пока ещё не успели разбить.

Эштон стоял у высокого мраморного камина и с отсутствующим видом рассматривал шампанское в своём бокале, будто на дне могла обнаружиться уважительная причина покинуть дом.

Чёрный вечерний костюм сидел на нём безукоризненно и при этом выглядел так, словно Валентайн потратил на одежду меньше времени, чем его камердинер — на выбор запонок. Светлые волосы, тёплого тёмно-золотого оттенка, были зачёсаны назад, но длинные волнистые пряди уже начинали выбиваться у лица. На левом виске резко проступала узкая седая полоса. Она появилась слишком рано и шла ему настолько неприлично хорошо, что Эштон давно перестал считать её недостатком.

В левом ухе покачивалась тонкая серьга незнакомой работы — тёмный металл, маленький янтарный камень и длинная подвеска. Высокий воротник скрывал большую часть старого шрама, но возле уха оставался виден светлый неровный край. Оттуда рубец уходил вниз по шее.

О происхождении серьги в Лондоне существовало не меньше версий, чем о шраме. В одной фигурировали Стамбул и ревнивый муж, в другой — Бомбей и нож, в третьей почему-то русский князь. Сам Валентайн никогда ничего не уточнял. Светское общество прекрасно справлялось без его помощи.

Он лениво взглянул на часы.

— Двадцать одна минута, Бернард.

— Двадцать две, милорд.

Бернард возник рядом с чашкой кофе. Собственного дворецкого леди Уэтерби свалила лихорадка за два дня до приёма, и вдова, не особенно стесняясь, попросила Эштона одолжить ей своего. Бернард прибыл ещё днём, успел привести в порядок чужую прислугу и теперь выглядел так, словно всегда принадлежал этому дому.

— Я приехал без трёх восемь.

— Без двух.

— Когда-нибудь я вас уволю.

— Сегодня это особенно затруднительно, милорд. Формально я уже служу другой женщине.

Эштон без сопротивления отдал ему бокал и принял кофе.

— Кто они?

— Литературное общество «Семь фонарей».

— Уже тревожно.

— Их ежегодное состязание предполагает рассказ ровно из семи предложений.

Валентайн попробовал кофе и посмотрел на Бернарда поверх чашки. В тёплом свете люстры ореховые глаза отливали янтарём.

— Почему именно семь?

— Основательница считает, что восьмое свидетельствует об отсутствии дисциплины.

— А шестое?

— О недостатке таланта.

— Исключительно удобная система.

— Для основательницы — несомненно.

Бернард едва заметно повернул голову, указывая куда-то за плечо Валентайна.

— Вон она.

Мисс Агата Брамбл действительно не нуждалась в представлении. Её присутствие само по себе напоминало объявление, сделанное достаточно громким голосом.

Она распоряжалась возле десертного стола в тяжёлом платье густого винного цвета, щедро отделанном чёрным кружевом и несколько тесном в талии. Агате было около пятидесяти. Крупная, широкоплечая, с тяжёлыми руками и мощной фигурой, она двигалась с уверенностью человека, который никогда не проверяет, уступят ли ему дорогу.

Волосы были собраны высоко. Их линия отступала ото лба несколько дальше, чем предписывала нынешняя мода, зато причёску удерживало такое количество жемчужных шпилек, что она, вероятно, пережила бы падение кабинета министров.

Агата расхохоталась чему-то, сказанному молодым человеком рядом, и на другом конце стола едва слышно отозвались чашки.

— Бог мой, — без всякого выражения произнёс Валентайн.

— Именно поэтому я и счёл нужным обратить на неё ваше внимание.

Эштон покосился на дворецкого.

— Вы уже успели собрать сведения?

— Разумеется.

— Мы здесь двадцать две минуты.

— Вы здесь двадцать три. Я здесь с четырёх.

Когда-то мисс Брамбл приехала в столицу из Йоркшира с двумя чемоданами и твёрдым убеждением, что Лондон давно её ждёт. Сам Лондон, судя по последующим пятнадцати годам, оказался об этом совершенно не осведомлён.

Агата успела обозревать трактиры, писать о театре, поссориться с одним издателем, помириться с ним, снова поссориться и наконец основать собственный литературный салон. Её денежные дела считались предметом исключительно деликатным и потому обсуждались повсеместно. Мисс Брамбл снимала меблированные комнаты, регулярно меняла адреса и обладала редким даром занимать сравнительно небольшие суммы у такого количества знакомых, что по отдельности никто не чувствовал себя настоящим кредитором. Вместе они вполне могли бы открыть банк.

— Трактиры? — переспросил Валентайн.

— Несколько лет она вела колонку о лондонских питейных заведениях. Портер пользовался её особенной любовью.

— Профессиональный интерес?

— Настолько профессиональный, насколько четыре кружки позволяют сохранить беспристрастность суждения.

Эштон чуть улыбнулся.

— Почему перестала?

Бернард выдержал паузу.

— Владелец одной пивоварни пригрозил ей судом.

— Из-за разгромной статьи?

— Из-за неоплаченного счёта.

Валентайн рассмеялся и впервые посмотрел на Агату не из чистого чувства обречённости, а с некоторым интересом.

Сам он давно бы уже покинул этот дом, если бы не покойный лорд Уэтерби. За несколько недель до смерти тот вытребовал с Эштона обещание хотя бы изредка появляться на раутах его жены.

— Она терпеть не может оставаться одна среди этих людей, — сказал тогда Уэтерби.

Валентайн заметил, что весьма неплохо её понимает.

Обещание, однако, дал.

Леди Уэтерби пользовалась им без всякого стеснения и приглашала Эштона регулярно. Он являлся достаточно часто, чтобы не считать себя клятвопреступником, и достаточно редко, чтобы не начать ненавидеть покойного друга.

Сегодня, по его расчётам, долг был исполнен уже минут пятнадцать назад.

Рядом с Агатой как раз расположились миссис Фэллоуз и поэт Арчибальд Крейн. Миссис Фэллоуз, сухонькая женщина с острым носом и жемчужным ожерельем, говорила достаточно тихо, чтобы считать разговор конфиденциальным, и достаточно громко, чтобы его слышали все в радиусе нескольких ярдов.

— Я терпеть не могу сплетен, — заявила она, поправляя жемчуг. — По-моему, это худшая форма человеческого лицемерия.

— Совершенно с вами согласен, — почтительно отозвался Крейн.

— Улыбаются человеку в лицо, а стоит отвернуться — начинают разбирать по косточкам.

— Отвратительно.

— Именно. Кстати, вы слышали, что Агате опять отказали в кредите?

Крейн немедленно придвинулся ближе.

— Нет.

— Я тоже не слышала. Мне просто рассказали.

— Кто?

— Какая разница? Не следует поощрять сплетни.

— Разумеется.

Миссис Фэллоуз ненадолго умолкла, проводила взглядом проходившую мимо Агату и добавила:

— А квартиру она всё-таки меняет.

Эштон отпил кофе.

— Кажется, это общество начинает мне нравиться.

— Я знал, что убийство нам не понадобится.

Бернард ошибся приблизительно на двадцать пять минут.

По случаю нынешнего состязания Агата придумала церемонию, которую сама считала особенно изящной. Каждый из семи финалистов принёс небольшую коробку конфет и карточку с названием рассказа. После объявления победителя авторы должны были по очереди прочесть по одному предложению из своих произведений.

Валентайн некоторое время обдумывал услышанное.

— Семь авторов читают по одному предложению?

— Именно.

— Из семи разных рассказов.

— Да, милорд.

— И что в итоге должно получиться?

Бернард оглядел собравшихся.

— Подозреваю, литература.

Тем временем Агата уже приступила к конфетам.

У неё была привычка, хорошо известная постоянным посетителям салона: десертным приборам в чужих домах она не доверяла и потому приносила собственные. Маленькая серебряная вилочка хранилась в тёмно-красном сафьяновом футляре, аккуратно уложенном в сумку. По словам самой мисс Брамбл, эта предусмотрительность избавляла её от необходимости полагаться на добросовестность чужой кухонной прислуги.

Бернард однажды заметил бы, что подобное недоверие к серебру удивительно для женщины, столь охотно доверявшей окружающим оплачивать её счета.

Пока, однако, он промолчал.

Конфеты Агата тоже не кусала. Это, по её мнению, было привычкой людей, не умеющих обращаться ни с шоколадом, ни с собой. Каждую она клала на небольшую фарфоровую тарелку, аккуратно рассекала серебряной трёхзубой вилочкой, изучала начинку и лишь затем пробовала половину.

Первая вызвала лёгкое движение бровей.

— Слишком много сахара. Попытка скрыть отсутствие содержания.

Вокруг послушно засмеялись. Автор подарка, судя по лицу, предпочёл бы умереть немного раньше.

Вторую конфету Агата признала «неплохой, но вторичной», третью — «приятной безделицей, не заслуживающей повторного прочтения».

Валентайн наблюдал за ней с чашкой в руке и понемногу начинал понимать, почему у этой женщины так много знакомых и так мало друзей.

— Она рецензирует десерт.

— Провинцию можно покинуть, милорд.

Валентайн покосился на него.

— Но?

— Не всегда взаимно.

Четвёртая конфета лежала в маленькой коробке из тёмного картона. Почти чёрный шоколад украшала тонкая полоска засахаренной вишни.

Крейн в это время наклонился к миссис Фэллоуз и шепнул ей что-то на ухо. Оба посмотрели на Агату и почти одновременно отвели глаза.

Мисс Брамбл ничего не заметила. Поддела конфету вилочкой, разрезала пополам и отправила одну половину в рот.

— Вот здесь хотя бы…

Фраза оборвалась.

Агата несколько раз быстро провела языком по нижней губе, словно та вдруг онемела, и попыталась сглотнуть. Не получилось.

Сначала это заметили только стоявшие ближе к столу. У камина ещё разговаривали, возле рояля кто-то засмеялся, лакей разливал шампанское. Вокруг Агаты уже становилось тихо.

Она нахмурилась, посмотрела на собственную руку, будто та вдруг перестала ей принадлежать.

Серебряная вилочка звякнула о фарфор.

Агата судорожно вдохнула и прижала пальцы к горлу. На нижней губе появилась тёмно-красная полоска — она прикусила её до крови.

Валентайн поставил чашку и встал.

Женщина качнулась назад, затем резко подалась вперёд и задела локтем бокал с бургундским. Вино хлынуло на белую скатерть. Бокал покатился следом, сорвался со стола и разбился.

Теперь обернулась вся гостиная.

Агата схватилась за скатерть в попытке удержаться.

Не удержалась.

Жемчужная нить лопнула при падении. Бусины застучали по паркету вперемешку с осколками; одна докатилась до носка туфли подоспевшего Эштона.

Он успел подхватить Агату прежде, чем она ударилась лицом о пол. Вес навалился на руки сразу, без предупреждения. Ещё секунду назад она была шумной, властной, занимала собой половину комнаты. Теперь — просто тяжёлое обмякшее тело.

— Врача, — бросил Валентайн.

Кто-то уже бросился за врачом.

Валентайн опустился на колено, всё ещё поддерживая Агату под плечи. Одна длинная светлая прядь упала ему на лицо; он раздражённо мотнул головой, не имея свободной руки, чтобы её убрать. Тёмная кровь от прикушенной губы стекала женщине по подбородку и уже добралась до кружева на груди.

Глаза Агаты ещё двигались — быстро, испуганно, перебирая лица вокруг. На мгновение она нашла Эштона и будто узнала.

Губы шевельнулись.

Валентайн наклонился ниже, почти коснувшись серьгой её виска, но разобрал только сиплый выдох. Через несколько секунд Агата перестала смотреть на него и уставилась куда-то мимо, в свет люстры.

К счастью, среди гостей оказался врач. Он добрался до Агаты раньше, чем кто-либо успел послать за ним наружу, оттеснил Эштона, расстегнул кружево у неё на горле и коротко потребовал воды. Вокруг немедленно нашлось полдюжины желающих помочь и вдвое больше тех, кто хотел видеть.

Распоряжения звучали всё реже.

Наконец врач замолчал и выпрямился.

Этого оказалось достаточно.

Кто-то всхлипнул. У рояля женщина быстро перекрестилась. Леди Уэтерби стояла у двери зимнего сада, обеими руками сжимая веер, хотя раскрыть его так и не догадалась.

Бернард появился рядом с Валентайном уже без прежней насмешливости.

— За констеблем послали, милорд. Двери я велел закрыть.

Эштон поднялся, расправил затёкшее плечо и только теперь увидел на белой манжете маленькое тёмное пятно.

— Никого не выпускать.

— Я уже распорядился.

— Я обращался скорее к гостям.

Бернард оглядел комнату, где первые потрясённые шепотки уже начинали складываться в версии.

— Они слушаются заметно хуже прислуги.

У десертного стола вскрикнула миссис Фэллоуз.

Звук вышел таким пронзительным, что несколько человек шарахнулись ещё до того, как поняли причину. Она стояла, прижав ладонь к груди, и смотрела в открытую серебряную сахарницу.

Между белыми кубиками лежал скорпион.

Небольшой, чёрный, с подогнутыми лапками и загнутым над спиной хвостом. На фоне сахара он выглядел почти нарочито.

Этого хватило.

По комнате сразу поползло слово «яд».

— Боже милостивый, — выдохнул Крейн.

Миссис Фэллоуз вцепилась в его локоть.

— Я всегда говорила, что подобная экзотика до добра не доводит.

Крейн повернулся к ней.

— Вы знали о скорпионе?

— Конечно нет!

— Тогда о какой именно экзотике вы всегда говорили?

Миссис Фэллоуз выпрямилась и предпочла достоинство дальнейшим объяснениям.

Инспектор Генри Фосс приехал меньше чем через двадцать минут и довольно быстро разочаровал тех, кто ожидал увидеть либо сыщика из дешёвого романа, либо почтительного полицейского, робеющего перед хорошей фамилией.

Ему было около сорока. Худощавый, аккуратно подстриженный, в неброском тёмном пальто, он имел спокойное лицо человека, привыкшего сначала слушать, а уже потом решать, что перед ним идиот.

Фосс бегло осмотрел гостиную, поговорил с врачом, после чего велел развести гостей и прислугу по разным комнатам. Только после этого он подошёл к Эштону.

— Вы держали мисс Брамбл после падения?

— Да.

— Стол трогали?

— Нет.

— Вилку?

— Тоже нет.

— Она что-нибудь сказала?

— Пыталась. Не успела.

Фосс кивнул и посмотрел на испачканную манжету.

— Кровь её?

Валентайн тоже опустил взгляд.

— Насколько мне известно.

— Хорошо.

— Редко слышу это слово применительно к чужой крови на собственной рубашке.

Уголок рта инспектора едва заметно дрогнул.

Бернард тем временем остановился возле сахарницы и рассматривал скорпиона с таким вниманием, будто ему принесли сомнительную антикварную вещицу и попросили назвать век.

— Не трогайте, — сказал Фосс, не оборачиваясь.

— Я и не собирался.

Теперь инспектор посмотрел на него.

— Вы слишком заинтересованы для дворецкого.

— Я не так стар, инспектор, чтобы интересоваться исключительно серебром и временем завтрака.

Фосс подошёл к столу и присел. Несколько секунд разглядывал скорпиона, не касаясь ни сахарницы, ни лежавших рядом щипцов.

— Он умер не сегодня.

Бернард слегка наклонил голову.

— Со вчерашнего дня, полагаю.

— Возможно. Уже подсох.

— Значит, декорация.

Валентайн подошёл ближе.

— Причём весьма старательная.

Фосс выпрямился.

— Именно поэтому она мне и не нравится. Настоящая улика обычно не старается первой представиться полиции.

С дивана донёсся голос Крейна:

— Вам её совсем не жаль?

Эштон медленно оглядел гостиную. Опрокинутые бокалы, бургундское на скатерти, жемчуг среди осколков. Агату уже прикрыли светлой тканью, и только край винного платья оставался виден у пола.

— На четвёртой конфете жалость становится дурным тоном.

Бернард слегка повернул голову.

— Милорд.

— Что?

— Хорошая фраза.

— Не записывайте.

Фосс услышал. По лицу было видно, что профессиональное достоинство сейчас требует от него не реагировать.

Он снова занялся столом и заметно дольше скорпиона рассматривал серебряную вилочку.

— Конфеты пока останутся здесь. Проверим каждую. Но если смерть действительно вызвана ядом, я бы начал с прибора.

Валентайн присел напротив, опершись предплечьем о колено. Седая прядь снова выбилась у левого виска; на этот раз он убрал её пальцами.

— Потому что первые три она ела той же вилкой?

— Именно. Первые признаки могли появиться не сразу. Четвёртая конфета просто оказалась последней, которую она успела попробовать.

Валентайн чуть прищурился.

— Значит, все три предыдущие рецензии она уже произносила отравленной.

— Похоже на то.

— Впечатляющая преданность ремеслу.

Бернард посмотрел на него.

— Милорд.

— Я совершенно серьёзно. Кроме того, вилка принадлежала самой Агате.

Фосс поднял глаза.

— Откуда вы знаете?

Валентайн кивнул на Бернарда.

— Он знает всё. Я лишь вынужден жить рядом с последствиями.

— Мисс Брамбл принесла прибор с собой, — подтвердил Бернард. — Серебряная вилочка хранилась в сафьяновом футляре. Её обычная привычка.

Фосс осторожно убрал вилку отдельно.

— Тогда кухню я пока оставлю в покое. Если яд обнаружится на приборе, интереснее будет выяснить, кто мог добраться до её вещей до десерта.

— Значит, повар оправдан? — спросил Валентайн.

Бернард сложил руки за спиной.

— Повар лишь талантливый соучастник с рекомендациями, инспектор.

Фосс посмотрел на ряд пирожных.

— Если он отвечает за эклеры, готов учесть это как смягчающее обстоятельство.

Эштон впервые взглянул на него с явным одобрением.

— Вы мне нравитесь.

— Не спешите, милорд. Я намерен задержать всех присутствующих, пока не закончу первые опросы.

Валентайн повернулся к Бернарду.

— Нет. Уже перестал.

— Вы так непостоянны в чувствах.

К часу ночи первоначальный хаос утих. Вместо него обнаружилось другое затруднение: почти каждый второй член «Семи фонарей» имел к покойной собственную претензию, а каждый третий считал нравственным долгом сообщить полиции о претензиях остальных.

Агата задолжала деньги нескольким знакомым. У одного автора без разрешения переписала половину рассказа, а когда тот возмутился, объявила произошедшее «совместной редакционной работой». Другого исключила из общества за восьмое предложение. Ещё двое помнили публичные рецензии, после которых несколько месяцев не появлялись на литературных вечерах.

Чем дольше Фосс задавал вопросы, тем меньше убийство походило на загадку с недостатком подозреваемых.

Миссис Фэллоуз подошла к делу тоньше остальных.

— Я ни в чём не обвиняю покойную, инспектор. Это было бы низко.

— Разумеется.

— Просто однажды я рассказала ей замысел.

— Какой?

— Сейчас это уже неважно. Через четыре дня ровно тот же замысел появился в её рассказе.

Фосс сделал короткую запись.

— Вы считаете, она его присвоила?

— Боже упаси. Я вообще стараюсь никого не судить.

Инспектор на секунду оторвался от блокнота.

— Тогда зачем вы мне это рассказываете?

Миссис Фэллоуз слегка растерялась.

— Чтобы у вас была полная картина.

— Понимаю.

— Совпадения бывают.

— Бывают.

— Но не настолько подробные.

Фосс снова что-то записал.

— Хорошо.

— И я никогда не называла её воровкой.

Он поднял глаза.

— Я тоже.

Это, кажется, задело её сильнее всего.

Через пять минут, выйдя после разговора с инспектором, миссис Фэллоуз уже стояла с Крейном в коридоре и говорила особым шёпотом, который существует исключительно для распространения конфиденциальных сведений.

— Я была предельно корректна. В отличие от некоторых.

— Безусловно.

— А вы что ему рассказали?

— Ничего.

— Даже про долги?

Крейн невинно моргнул.

— Какие долги?

Она понимающе покачала головой.

— Вот именно. Совершенно не наше дело.

Ближе к двум Валентайн перебрался в библиотеку леди Уэтерби. После гостиной, где уже несколько часов шептались, плакали, строили версии и требовали отпустить домой, почти

пустая комната казалась роскошью. Тёмные шкафы поднимались до самого потолка, на письменном столе горела зелёная лампа, в камине лениво оседали угли.

Эштон устроился в глубоком кожаном кресле, вытянул длинные ноги и расстегнул верхнюю пуговицу жилета. Воротник тоже слегка разошёлся, открыв ещё несколько сантиметров старого шрама на шее. Волосы окончательно перестали повиноваться приличиям и светлые волны легли на воротник.

Кофе на столике давно остыл. Последний час Валентайн только изредка брал чашку в руку, вспоминал о её содержимом и ставил обратно.

Бернард появлялся примерно раз в четверть часа и неизменно приносил новый кусок чужой биографии. Добывал он сведения с такой лёгкостью, что Валентайн временами предпочитал не спрашивать о методах.

— Мисс Брамбл задолжала прежнему издателю сто двадцать фунтов.

Валентайн едва поднял глаза от книги, которую уже минут десять держал раскрытой на одной странице.

— Скучно.

— Его жене ещё сорок.

Книга медленно закрылась.

— Уже лучше.

— Жена не знает о долге мужу.

— Продолжайте.

— А издатель не знает, что его жена давала мисс Брамбл деньги.

Эштон откинул голову на спинку кресла.

— Вот теперь мне почти жаль, что Агата умерла. У женщины обнаруживаются способности.

Бернард позволил себе короткую улыбку.

— Это ещё не всё. Мистер Крейн утверждает, что она увела у него любовника.

— Того светловолосого мужчину, который весь вечер стоял у окна с выражением лица будто он, уже мысленно пересёк Ла-Манш?

— Именно его.

— Он в курсе?

— Отрицает не только связь, но и знакомство с мистером Крейном.

Валентайн прикрыл глаза.

— Великолепно.

— Миссис Фэллоуз считает происходящее доказательством нравственного падения обоих.

— Какая выносливая женщина. Столько осуждения за один вечер и ни минуты отдыха.

Бернард ничего не ответил, только взглянул на часы.

Валентайн проследил за его взглядом и вдруг понял, что сам уже давно перестал считать минуты.

Дворецкий посмотрел на нетронутый кофе.

— Вам интересно.

— Мне совершенно неинтересно.

— Разумеется.

Эштон положил книгу на подлокотник.

— Я всего лишь хочу понять, кто ухитрился убить женщину посреди гостиной в доме, куда я являюсь исключительно во исполнение обещания покойнику.

— Лорд Уэтерби просил вас навещать супругу, а не расследовать убийства на её раутах.

— Он недостаточно подробно сформулировал условия.

— Следовало привлечь нотариуса.

— Я был молод и доверчив.

Бернард посмотрел на него.

— Вам было тридцать один.

— Именно. Практически ребёнок.

Дверь библиотеки открылась раньше, чем дворецкий успел ответить.

Фосс вошёл без церемоний, на ходу снял перчатки и сунул их в карман пальто.

— С вилкой стало интереснее, — сказал Фосс. — Врач отправил соскоб знакомому химику. Тот пока осторожничает, но говорит о растительном алкалоиде. Вероятнее всего — аконит.

Валентайн отложил книгу.

— Уже?

— Уже — только «вероятнее всего». Чтобы утверждать наверняка, ему понадобится больше времени. Но симптомы совпадают. На конфетах, насколько пока можно судить, ничего подозрительного нет.

— А на вилке?

— Есть. И тот же след обнаружили внутри сафьянового футляра.

Бернард тихо вздохнул.

— Шоколад оправдан. Это приятно.

— Не весь, — сказал Фосс, принимая предложенное Эштоном кресло. — Судя по показаниям трёх свидетелей, третья конфета всё-таки была преступлением против вкуса.

Валентайн усмехнулся.

— Инспектор, продолжайте в том же духе, и я прощу вам задержание.

Фосс достал из внутреннего кармана небольшой блокнот и раскрыл его на заложенной странице.

— Вилка принадлежала мисс Брамбл. Она хранила её в сафьяновом футляре, футляр — в сумке. По приезде сумку отнесли наверх, в маленькую гостевую комнату рядом с дамской уборной. За вечер туда заходили пятеро.

— Уже лучше, чем двадцать восемь.

— Двое из прислуги. Были там вместе, приносили бельё для хозяйки. Один из гостей открыл не ту дверь и сразу вышел. Миссис Фэллоуз поднималась поправить пудру.

— Разумеется.

— И мисс Летиция Вейн, секретарь покойной.

Бернард едва заметно поднял бровь.

Другой человек, пожалуй, ничего бы не увидел. Валентайн знал Бернарда слишком давно.

— Что?

— Ничего, милорд.

— Вы сейчас изобразили своё «ничего».

Фосс перевёл взгляд с него на дворецкого.

Бернард смирился.

— Мне показалось любопытным, что мисс Вейн — единственный человек за весь вечер, который ни разу не сообщил мне ничего дурного о своей покойной нанимательнице.

— И вы считаете это подозрительным? — спросил Фосс.

— В другом доме — признаком воспитания. В этом я бы не торопился.

Летицию, Валентайн вспомнил сразу.

Почти весь вечер она просидела чуть в стороне от остальных, с блокнотом на коленях, иногда вставала по просьбе Агаты, что-то находила, кому-то передавала записку и снова возвращалась на место. При жизни нанимательницы на неё почти никто не смотрел. Теперь это обстоятельство само по себе привлекало внимание.

Летиции было около тридцати пяти. Худощавая, с тонким спокойным лицом и каштановыми волосами, гладко собранными на затылке. Простое серое платье без кружев, узкое серебряное кольцо, старые чернильные пятна на пальцах. Говорила она негромко и никогда не перебивала — редкое качество в обществе, где большинство считало паузу в чужой речи личным приглашением.

— Она ведёт дела общества? — спросил Валентайн.

— Практически все, — ответил Бернард. — Переписку, списки участников, взносы, приглашения, программу вечеров. Редактирует тексты.

— А мисс Брамбл?

Бернард чуть помедлил.

— Основывает.

Фосс посмотрел на него поверх блокнота.

— Всё это успела рассказать прислуга?

— Лишь половину. Остальное было достаточно посмотреть.

— Какая половина от прислуги?

— Самая интересная.

Инспектор покачал головой, но спорить не стал.

— Мисс Вейн действительно поднималась в ту комнату. По её словам, за шалью мисс Брамбл. Две горничные это подтверждают. Она знала о вилке, наверняка знала, где та хранится, и могла открыть сумку.

Валентайн несколько секунд смотрел на огонь.

— Но могла — ещё не значит открыла.

— Именно, — спокойно сказал Фосс. — Поэтому арестовывать её я не собираюсь.

Это Эштону понравилось. Он поднялся, одёрнул жилет и убрал с лица светлую прядь.

— Покажите мне стол ещё раз.

Когда они вернулись в гостиную, прежнего шума уже не было. Часть ламп погасили, гостей развели по соседним комнатам, и большой зал неожиданно показался почти пустым. По распоряжению Фосса ничего не трогали. Бургундское на белой скатерти успело потемнеть; возле ножки стола поблёскивали осколки, среди них лежало несколько жемчужин. Одна укатилась дальше остальных и тускло белела возле стены.

Скорпиона уже унесли.

Без него стол выглядел менее театрально. И почему-то хуже.

Валентайн неспешно прошёл вдоль раскрытых коробок.

— Четвёртая.

— Её смерть после четвёртой конфеты ничего не доказывает, — напомнил Фосс. — Если аконит был на вилке с самого начала, первые признаки могли появиться позже.

— Я не о яде.

Инспектор подошёл ближе.

Эштон указал на край стола.

— Сахарница стояла здесь. Рядом с четвёртой коробкой. Скорпиона посадили в белый сахар не ради тонкости замысла — его должны были заметить.

— Но не обязательно именно после падения мисс Брамбл.

— Не обязательно, — согласился Валентайн. — Зато тот, кто его туда положил, знал расположение стола. Возможно, и порядок дегустации.

Фосс помолчал.

— Возможно.

Вот это слово Эштону понравилось заметно меньше.

На столе лежали семь карточек финалистов. Коробки стояли в том же порядке, в каком Агата собиралась их открывать. Всё было заранее пронумеровано.

— Кто это раскладывал?

Фосс потянулся за программой, но за спиной у него негромко кашлянул Бернард.

Валентайн обернулся.

— Вы знали.

— Подозревал.

— И молчали?

— Мне показалось невежливым лишать вас редкого удовольствия самостоятельно прийти к выводу.

— Я вас ненавижу.

— Взаимность с моей стороны была бы крайне непрофессиональна.

Фосс нашёл нужную строку.

— Летиция Вейн. Она составляла программу и раскладывала подарки перед началом вечера.

Пока это ничего не доказывало. Но имя Летиции возникало уже слишком часто.

Её попросили пройти в маленький кабинет рядом с библиотекой.

Горела одна лампа под зелёным абажуром. В этом свете серое платье Летиции почти потеряло цвет. Фосс сел напротив; Валентайн остался возле камина, а Бернард занял место у двери с видом человека, совершенно случайно оказавшегося в центре расследования.

— Вы открывали сумку мисс Брамбл, когда ходили за шалью? — спросил Фосс.

— Нет.

— Футляр с вилкой видели?

Летиция помедлила.

— Нет. Но я знала, что он там. Агата всегда носила вилку с собой.

Фосс сделал короткую запись.

— Где именно?

— Во внутреннем кармане сумки. Под платком.

Карандаш остановился.

— Под каким платком?

Летиция подняла глаза.

— Простите?

— Я спросил, где лежала вилка. Про платок ничего не говорил.

Она замерла всего на мгновение. Этого хватило, чтобы пальцы на коленях сцепились плотнее.

— Я видела раньше. Агата всегда складывала вещи одинаково.

— Когда видели?

— Не помню. На одном из прошлых вечеров.

Фосс не стал прижимать её к ответу. Записал и перешёл к следующему вопросу.

Валентайн всё это время смотрел на её руки. Чернила въелись в кожу возле ногтей, на среднем пальце правой руки темнела небольшая мозоль от пера. Не руки женщины, которая время от времени записывает чужие распоряжения. Она писала много.

— Мисс Вейн, можно ещё один вопрос?

Летиция повернулась к нему.

— Конечно, милорд.

— До сих пор вы называли её мисс Брамбл.

Она ждала продолжения.

— Сейчас сказали «Агата».

Фосс быстро взглянул на Эштона, но вмешиваться не стал.

— Может быть, ничего, — продолжил Валентайн. — Просто при посторонних она для вас мисс Брамбл. А стоило вспомнить, как она складывала личные вещи, — стала Агатой.

— Я много лет у неё работала.

— Именно.

Летиция опустила глаза.

Это не было ни признанием, ни уликой, и Фосс достаточно хорошо знал своё дело, чтобы не делать вид, будто случайная оговорка способна заменить доказательство. Он уточнил время её подъёма наверх, ещё раз прошёлся по сумке, шали и коробкам, после чего отпустил Летицию, велев до окончания опросов оставаться в доме.

Дверь закрылась.

— Этого недостаточно, — первым сказал Фосс.

— Разумеется.

Бернард ещё несколько секунд смотрел на дверь.

— Но уже не скучно.

К четырём утра он вернулся в библиотеку с тонкой бордовой папкой.

— Нашёл не я, — сообщил Бернард с порога. — Уточняю заранее, поскольку вы оба в последнее время смотрите на меня с некоторым предубеждением.

— Это не предубеждение, — сказал Фосс. — Это опыт.

Папку обнаружил один из лакеев в кабинете покойной, между пачкой неоплаченных счетов и приглашениями на следующий литературный вечер.

Внутри лежали работы семи финалистов, каждая аккуратно перевязана лентой. Между ними оказался ещё один лист без имени. Вверху рукой Агаты было крупно написано:

«Победитель».

Фосс прочёл первым и передал лист Валентайну.

Рассказ состоял из семи предложений. Роскошный ужин. Хозяйка, которую ненавидит едва ли не каждый приглашённый. Они улыбаются ей, пьют её вино, говорят о дружбе. В последней строке женщина поднимает бокал и замечает, что особенно смешно в человеческом лицемерии одно: человек всегда уверен, что его не замечают.

Валентайн перечитал концовку.

— Недурно.

— Даже очень. Кто написал?

Бернард перевернул лист.

На обороте стояли инициалы: *Л. В.*

Ниже, уже другим почерком:

«После небольшой редакторской обработки может быть представлен как мой. Автору пока не сообщать».

На этот раз никто не пошутил.

Фосс ещё раз прочёл приписку.

— Теперь у нас есть мотив.

— Мотив, — поправил Валентайн. — Не доказательство убийства.

— Я знаю, милорд.

Сказано было без раздражения. Кажется, Фосс даже одобрил поправку.

Бернард тем временем достал из папки ещё один лист.

— Боюсь, у мотива есть приложение.

Это был черновик письма для Летиции.

Несколько холодно-вежливых абзацев сообщали, что в её услугах больше не нуждаются. Комнату, предоставленную обществом, следовало освободить до конца недели. Четыре месяца невыплаченного жалованья Агата предлагала считать компенсацией за проживание.

Фосс дочитал до конца и нахмурился.

— Жильё действительно оплачивало общество?

— На бумаге, — ответил Бернард. — Хозяйка комнаты не получила денег за последние три месяца.

Валентайн медленно провёл пальцами по старому шраму на шее — привычное движение, появлявшееся, когда что-то особенно занимало его.

— То есть Агата задолжала Летиции четыре месяца жалованья, три месяца не платила за её комнату, собиралась присвоить рассказ, а потом выставить автора на улицу.

— В общих чертах, — сказал Фосс.

— Всё ещё не доказательство.

— Всё ещё нет. Зато теперь я знаю, о чём спрашивать.

Третий разговор с Летицией оказался значительно длиннее первых двух.

Она не расплакалась, не бросилась оправдываться и не сказала ничего достаточно эффектного, чтобы наутро попасть в газетную хронику. Фосс просто снова провёл её через весь вечер: приезд, шаль, сумка, коробки, вилка. Возвращался к одним и тем же минутам, менял порядок вопросов, уходил в сторону и спустя несколько минут неожиданно возвращался туда, где два ответа не вполне совпали.

Летиция держалась долго.

Потом начала уставать.

В какой-то момент Летиция перестала смотреть на инспектора. Она опустила голову и уставилась на собственные руки — на въевшиеся в кожу чернила, тёмные полукружья у ногтей, мозоль от пера.

— Да, — сказала она.

Одного слова оказалось достаточно, чтобы комната вдруг стала теснее.

Бернард слегка нахмурился. Не от удивления — скорее с разочарованием человека, который всю ночь наблюдал сложную постановку и только под конец обнаружил, что последнюю сцену решили сыграть без декораций.

Фосс не изменился в лице.

— Вы нанесли яд на вилку мисс Брамбл?

— Да.

— Когда она лежала наверху?

— Да.

— Скорпиона в сахарницу тоже положили вы?

И тут Летиция впервые за весь разговор улыбнулась. Не весело, едва заметно, одними уголками губ.

— Нет.

Фосс несколько секунд смотрел на неё.

— Вы уверены?

— Совершенно.

Валентайн встретился взглядом с Бернардом.

Вот теперь старому негодяю снова стало интересно.

Со скорпионом разобрались неожиданно быстро — и совершенно независимо от убийства.

Арчибальд Крейн продержался около десяти минут, прежде чем признался, что мёртвое членистоногое в сахарницу положил именно он. Никакого отношения к аконитину это не имело. Несколько недель назад Агата уничтожила в рецензии его новый рассказ, посвятив почти половину текста «болезненной страсти автора к красивостям», и Крейн решил отомстить способом, который до появления полиции казался ему если не изящным, то по крайней мере остроумным.

Он рассчитывал дождаться, пока мисс Брамбл полезет за сахаром, увидеть её лицо и на этом удовлетвориться.

Теперь поэт сидел напротив Фосса, заметно побледневший и уже далеко не так уверенный в собственной изобретательности.

— Это был всего лишь розыгрыш, инспектор.

— Вы положили мёртвого скорпиона в сахарницу женщины, которая через несколько минут умерла от яда.

— Но он был совершенно безопасен.

Фосс отложил карандаш.

— Удивительно, как часто слово «безопасно» появляется в объяснениях уже после полиции.

Из кресла у стены немедленно донеслось возмущённое:

— Какая низость.

Крейн резко повернулся к миссис Фэллоуз.

— Вы сегодня утром собирались подложить ей записку про долги!

— Это совершенно другое.

— Чем?

Миссис Фэллоуз выпрямилась.

— Я, по крайней мере, не использовала членистоногих.

Бернард приблизился к Валентайну и остановился у его плеча.

— Чувствуете, милорд?

Эштон наблюдал за миссис Фэллоуз, которая уже одной осанкой демонстрировала принадлежность к куда более нравственной разновидности мстительных людей.

— Что именно?

— Моральное превосходство.

— Да. Пахнет лилиями и чужими секретами.

Крейна оставили дожидаться отдельного разговора с полицией, а Фосс вернулся к Летиции.

В её преступлении не оказалось ни хитроумной схемы, ни особенной театральности. Чем подробнее она рассказывала, тем неприятнее становилась именно обыденность всего произошедшего. Летиция знала Агату много лет, знала её привычки, знала, где в сумке лежит сафьяновый футляр и как уложена в нём серебряная вилочка. В тот вечер ей досталось несколько минут наедине с чужими вещами. Больше ничего и не понадобилось.

Спустившись к гостям, она почти сразу испугалась собственного поступка. Несколько раз собиралась вернуться наверх: вытереть вилку, заменить прибор, убрать его из футляра — сделать хоть что-нибудь, пока ещё можно было сделать вид, что ничего не случилось.

— Почему не вернулись? — спросил Фосс.

Летиция долго молчала, потирая большим пальцем чернильное пятно на другой руке.

— Потому что Агата сама меня нашла.

— И что сказала?

— Что прочла мой рассказ.

Летиция подняла голову. За несколько часов лицо у неё осунулось, возле рта обозначились складки, которых Валентайн прежде не замечал.

— Она сказала, что он хороший. Очень хороший.

Фосс не торопил её.

— И этого хватило, чтобы вы передумали?

— Нет.

На губах Летиции снова мелькнула та же усталая улыбка.

— Потом она погладила меня по руке и сказала: «Не переживай, дорогая. Когда-нибудь ты тоже научишься писать сама».

Бернард медленно прикрыл глаза.

— Вот теперь мотив приобрёл литературную завершённость.

Валентайн покосился на него.

— Бернард.

— Уже молчу, милорд.

Фосс, кажется, вообще не услышал их.

— Вы её ненавидели?

Летиция не ответила сразу. За дверью кто-то прошёл по коридору; старая половица протяжно скрипнула под шагом. Дождь всё ещё тихо постукивал по окнам, и в наступившей паузе впервые за всю ночь стало слышно, насколько велик дом леди Уэтерби.

— Не всё время, — сказала она наконец.

Валентайн посмотрел на неё.

Вот это почему-то оказалось хуже.

С ненавистью всё было бы проще. Четыре месяца без жалованья, неоплаченная комната, украденный рассказ, увольнение — причины можно было разложить по порядку и получить вполне понятный итог. Но «не всё время» означало, что когда-то Агата была для неё кем-то ещё. Возможно, человеком, которым она восхищалась. Возможно, тем, чьего одобрения ждала слишком долго. И именно поэтому последняя фраза ударила туда, куда четыре месяца без денег не смогли.

Фосс закрыл блокнот.

На рассвете Летицию увели.

С Крейна взяли отдельные показания о скорпионе и после долгого разговора оставили в малой гостиной ждать решения инспектора. К этому времени члены «Семи фонарей», ещё недавно сидевшие тихо и старавшиеся не встречаться глазами с полицейскими, понемногу возвращали себе прежние голоса. Когда у преступления наконец появилось имя, остальные словно получили разрешение снова заниматься друг другом.

Миссис Фэллоуз пришла в себя первой.

— Я всегда чувствовала в этой женщине какую-то скрытую жестокость, — сообщила она Крейну, едва того выпустили из кабинета Фосса.

Арчибальд посмотрел на неё с усталостью, явно вымотанный после ночи объяснений про выходку со скорпионом.

— Полчаса назад вы называли её несчастным ребёнком.

— Одно другому не мешает.

— Ей тридцать шесть.

— Некоторые люди поздно взрослеют.

— А вчера вы говорили, что она выглядит старше своих лет.

Миссис Фэллоуз нахмурилась.

— Арчибальд, сейчас совершенно неподходящее время для сплетен.

Проходивший мимо Валентайн остановился.

— Миссис Фэллоуз.

Женщина немедленно повернулась к нему. Лицо её смягчилось с такой быстротой, будто прежнее выражение просто сняли и заменили другим.

— Милорд?

— Должен признаться, я никогда прежде не встречал человека, который осуждал бы сплетни с такой последовательностью.

Она просияла.

— Благодарю вас.

— Особенно не прекращая их ни на минуту.

Улыбка исчезла не сразу. Сначала дрогнули уголки губ, потом взгляд, и только через пару секунд до миссис Фэллоуз дошло, что комплимент закончился где-то на полпути.

Бернарду это доставило столько удовольствия, что он счёл благоразумным отвернуться к окну.

За стеклом уже светало. Дождь прекратился, но на мостовой ещё дрожал свет газовых фонарей. Из тумана понемногу выступали крыши соседних домов; где-то открывали ставни, вдали прогрохотал первый экипаж, затем ещё один. Лондон начинал обычное утро и пока ничего не знал о том, что ночью в доме леди Уэтерби умерла женщина, рассыпался жемчуг и совершенно невиновный шоколад несколько часов считался орудием убийства.

Валентайн задержался в передней, пока Бернард подавал ему пальто. За ночь волосы окончательно выбились из укладки. На белой манжете засохло маленькое бурое пятно.

Дворецкий заметил его первым.

— Испорчена.

— Переживу.

— Это была ваша любимая рубашка.

Эштон поднял на него глаза.

— Вы сейчас звучите так, будто переживаете о ней сильнее, чем о мисс Брамбл.

— Рубашка, милорд, была совершенно невиновна.

Валентайн протянул руку за перчатками, однако Бернард почему-то не спешил их отдавать.

— Кстати…

— Нет.

— Вы ещё не знаете, что я собирался сказать.

— В этом и преимущество своевременного отказа.

Бернард всё-таки передал ему перчатки. Потом, с самодовольным выражением, полез во внутренний карман и извлёк аккуратно сложенный лист.

— Инспектор позволил мне снять копию последней работы мисс Брамбл.

Валентайн посмотрел сначала на бумагу, потом на Бернарда.

— Вы провели ночь рядом с настоящим убийством и всё равно добрались до конкурсных рукописей.

— Каждый развлекается в меру своих возможностей.

— И зачем она вам?

— Мне показалось, что текст заслуживает внимания.

Эштон вздохнул, взял лист и развернул его.

Первые строки он прочёл без особого интереса. Потом взгляд за что-то зацепился. Валентайн вернулся к началу, прочёл ещё раз, уже медленнее, и наконец начал считать.

По правилам «Семи фонарей» рассказ должен был состоять ровно из семи предложений.

У Агаты было восемь.

Он некоторое время молча смотрел на страницу, потом поднял глаза.

— Бернард.

— Да, милорд?

— Напомните мне главное правило этого замечательного общества.

— Семь предложений. Ни больше ни меньше.

— А здесь?

— Восемь.

— Вы считали?

— Дважды. Зная ваше недоверие, мог бы и в третий.

Валентайн снова опустил взгляд на лист.

Восьмое предложение Агата зачем-то вынесла отдельно. И почерк там был другим — не настолько, чтобы заподозрить чужую руку, но крупнее, свободнее, размашистее. Будто, дописав положенные семь фраз для своего общества, восьмую она оставила уже лично для себя.

«Только посредственность нуждается в правилах».

Валентайн хмыкнул. Прочитал ещё раз. Потом рассмеялся — сначала тихо, но через секунду уже не пытался сдерживаться.

Бернард терпеливо дождался, пока это пройдёт.

— Прекрасно.

— Исправить?

— Что именно?

— Количество предложений, милорд.

Валентайн поднял на него яркие ореховые глаза.

— Ни в коем случае.

Он сложил лист вдвое и вернул Бернарду.

— Даже лишнее?

— Его в особенности.

У выхода их задержали: Фосс оставил ещё какое-то распоряжение Бернарду, потом пришлось ждать экипаж. В доме тем временем понемногу гасили ненужные лампы, хотя гостиную полиция по-прежнему не позволяла трогать.

На крыльце было сыро и холодно. Дождь кончился, но с края крыши ещё срывались редкие капли. Каменные ступени блестели, колёса экипажа стояли в мелкой воде, лошади нетерпеливо переступали и выпускали пар в серый утренний воздух. Седая прядь снова упала ему на висок; он машинально убрал её назад и взялся за дверцу.

Бернард спрятал лист во внутренний карман.

Эштон уже поставил ногу на ступеньку экипажа, когда из открытой двери дома донёсся чей-то громкий голос. Незнакомый мужчина уверял собеседников, что Летиция с самого начала казалась ему подозрительной и что он, разумеется, сразу понял: дело вовсе не в скорпионе.

Эштон оглянулся. Бернард тоже прислушался.

— Какая удивительная ночь, — заметил он. — К утру все раскрыли убийство.

Валентайн усмехнулся и сел в экипаж.

— А лист?

Валентайн посмотрел на освещённые окна дома.

— Оставьте.

— Как эпитафию?

— Нет.

Бернард поднял бровь.

— Тогда зачем?

Дверца экипажа закрылась.

— Как рецензию.

Неприличное исчезновение мистера Розена. Часть I

К тому моменту, когда Валентайн вышел из полицейского участка, он успел трижды объяснить, какой рукой поддерживал Агату Брамбл после падения, дважды уточнить расстояние от камина до десертного стола и окончательно убедиться: мебель для дачи показаний проектируют люди, которым человеческий позвоночник когда-то нанёс личное оскорбление.

На улице моросило. За несколько часов мелкий дождь вымыл мостовую до чёрного блеска; колёса экипажей резали воду у тротуара, лошади нервно перебирали ногами под мокрой сбруей, прохожие жались под зонтами с тем выражением, какое в Лондоне легко принять за погоду, хотя чаще это просто отношение к жизни.

Бернард ждал под навесом напротив участка — сухой, безукоризненный и потому особенно раздражающий.

— Сколько?

Дворецкий достал часы.

— Два часа тридцать восемь минут. Я начал опасаться, что инспектор Фосс решил оставить вас себе.

— Я спрашивал, сколько ждёте вы.

— Это значительно менее интересная цифра.

Они двинулись к экипажу. После духоты полицейского кабинета холод сначала показался приятным, но быстро исправил первое впечатление. Валентайн поднял воротник и покосился на Бернарда. Тот уже приобрёл особое выражение лица: так он выглядел всякий раз, когда провёл несколько часов среди чужих секретов и теперь решал, в каком порядке их разложить перед хозяином.

Самого Бернарда отпустили раньше: свидетель из него вышел не слишком полезный, зато ожидание он, разумеется, употребил с выгодой. Газета, по его словам, заметно уступала в занимательности полицейским коридорам.

Валентайн не стал спрашивать подробности. Всё равно узнает.

Летиции Вейн утром предъявили обвинение в убийстве Агаты Брамбл. Это было ожидаемо. Интереснее оказалось другое: полиция всё ещё не могла понять, откуда у Летиции взялся аконит. Она уверяла, что купила его сама, но сначала назвала аптеку возле Блумсбери, потом засомневалась в улице. Аптекарь её не помнил.

— Покупателей вообще редко запоминают.

— Покупателей яда стараются.

Вот за это Бернарду иногда можно было простить остальное.

Фосс проверял аптеки, но пока без результата. Поэтому постепенно возник второй вопрос: не где Летиция купила препарат, а кто мог ей его дать.

Возле экипажа Бернард остановился и не сразу взялся за дверцу.

Валентайн вздохнул.

— Не тяните.

Среди знакомых Летиции полиция заинтересовалась неким Лайонелом Розеном.

Валентайну понадобилась секунда, чтобы опознать имя. Потом всплыл светский вечер год или два назад: молодой человек со светлыми кудрями, ленивой улыбкой и редким талантом смотреть на рассерженного собеседника так, будто тот наконец начал говорить что-то занятное.

— Поэт?

— Хороший. К глубокому огорчению коллег.

Трое литераторов из «Семи фонарей» подтвердили это независимо друг от друга, а зависть, как заметил Бернард, иногда служит неплохим инструментом критики. Репутация Розена была ещё надёжнее стихов: пил, играл, брачные обязательства окружающих восприни-

мал скорее как местный фольклор. Один из собратьев по перу до сих пор не простил ему публичного определения собственного сборника как «стихотворного заболевания кожи».

Валентайну человек начал нравиться.

Ненадолго.

Помимо поэзии, карт и чужих жён Розен увлекался токсикологией. Держал дома минералы, лекарственные препараты и растительные яды. Кто-то из знакомых назвал его коллекцию аптекой для вдов, отчего Бернард, кажется, окончательно уверовал в литературную ценность окружения поэта.

Летиция Вейн бывала у Розена дома.

Насколько близко они были знакомы, не понимал никто. Литературный Лондон, судя по всему, уже разделился на тех, кто считал их любовниками, и тех, кто предпочитал версию с обсуждением рукописей; обе стороны страдали от недостатка доказательств, но держались мужественно.

А сам Лайонел исчез.

Со вчерашнего вечера его не видели ни дома, ни в клубе. Дорожных вещей он не взял. Полиция успела проверить две наиболее вероятные любовные связи и одного разгневанного супруга.

Валентайн посмотрел на Бернарда.

— Вас держали внутри меньше двух часов.

— Старому дворецкому рассказывают удивительно много.

— Когда-нибудь вас арестуют…

Валентайн уже поставил ногу на ступеньку экипажа, когда за спиной раздалось:

— Лорд Эштон?

К ним шли две женщины.

Родство угадывалось сразу, хотя похожи они были скорее манерой держаться, чем лицами. Старшей, Мириам Розен, — так она представилась — было за пятьдесят: высокая, сухощавая, с тёмными волосами, в которых седину не прятали, и серьёзными крупными глазами. Её сестра Эстер была ниже, полнее, мягче лицом и явно обладала мимикой, которую всю жизнь безуспешно пытались воспитывать. Обе одеты дорого, но без мучительного старания это доказать.

— Полагаю, речь пойдёт о Лайонеле Розене, — сказал Валентайн.

Сёстры переглянулись.

Мириам быстро поняла, что полиция здесь ни при чём, и оценила Бернарда взглядом, который почти заменял комплимент.

— У вас чрезвычайно способный дворецкий.

— К сожалению, я в курсе.

Бернард принял похвалу с невозмутимостью человека, для которого она являлась не мнением, а констатацией.

Лайонел был сыном их покойной сестры. После смерти родителей рос у тёток, и обе, как подчеркнула Мириам, прекрасно представляли пределы его нравственных возможностей. Сейчас полиция считала, что он скрывается.

Тётки — нет.

— Мы видели, как Лайонел скрывается, — пояснила Эстер. — У него отвратительно получается.

Мириам покосилась на неё, но спорить с очевидным не стала. Если племянник хотел избежать встречи, к вечеру половина города обычно знала, в чьей спальне его не следует искать. Он любил эффектные жесты. Настоящее исчезновение к ним не относилось.

Они проверили друзей, клубы и женщин.

— И мужчин, — добавила Эстер.

Мириам на секунду закрыла глаза.

— Этого можно было не уточнять.

— Лорд Эштон всё равно узнает.

Валентайн решил не спрашивать откуда. День и без того становился богаче сведениями, чем требовалось.

Главное было в другом: Лайонел не пришёл ни к одному человеку, у которого обычно пережидал карточные долги, ревнивых супругов и последствия собственного темперамента. Само по себе это ещё ничего не доказывало, но исчез он в крайне неудачный момент.

Знакомство с Летицией, коллекция ядов и внезапное отсутствие складывались в картину, слишком удобную для чужих выводов.

— Инспектор Фосс не похож на человека, который сначала назначает виновного, а потом подгоняет факты.

— Фосс — возможно, — спокойно ответила Мириам. — Но вокруг него хватает людей, которые уже всё поняли.

После признания Летиции половина «Семи фонарей» внезапно вспомнила, что подозревала её с самого начала.

Впрочем, защищать нравственность племянника Мириам не собиралась. За двадцать с лишним лет обе сестры изучили его достаточно хорошо и семейной преданностью правду не портили. Лайонел мог напиться в день, когда обещал быть трезвым, проиграть деньги, которых ещё не заработал, и влюбиться в человека, которого разумнее было обходить по противоположной стороне улицы. Иногда, если обстоятельства складывались особенно удачно, успевал всё сразу.

— Последнее требует некоторой организованности, — заметил Валентайн.

— Поэтому мы временами им даже гордимся, — сказала Эстер.

Последствия тоже наступали в знакомом порядке: сперва Лайонел совершал глупость, затем объявлял её прекрасной идеей, а после приходил занимать деньги.

— Иногда возвращал, — уточнила Эстер.

— Не отвлекайся.

— Я за историческую точность.

Мириам вздохнула с видом человека, которому этот спор надоел лет пятнадцать назад, но прекращать его теперь уже поздно.

Нынешнее исчезновение в семейную систему не помещалось.

Лайонел не оставил записки, не прислал мальчишку из клуба предупредить, что поживёт у друзей, не взял вещей. Дома осталась даже трость с серебряным набалдашником, без которой в холодную сырую погоду он почти не выходил: старая травма ноги напоминала о себе хромотой.

Дождь ровно шуршал по зонту.

Вот трость уже не вписывалась.

— Возможно, он собирался выйти ненадолго.

— Мы тоже так решили, — сказала Мириам. — Потом наступила ночь.

А утром к ним пришла полиция.

Спрашивали, когда Лайонела видели в последний раз, насколько близко он знал Летицию Вейн, действительно ли собирал яды и был ли среди них аконит.

Сёстры не знали. Коллекцию Лайонел держал под замком; привычки проверять содержимое его шкафов семья пока не выработала.

— И поэтому вы пришли ко мне?

Мириам помедлила.

— Не совсем.

Она не просила считать племянника невиновным и не пыталась приписать ему достоинства, которых обе сестры за ним не замечали.

— Полиция сейчас ищет подозреваемого. Если Лайонел действительно попал в беду, хотелось бы, чтобы кто-нибудь искал ещё и человека.

— И вы решили, что я стану разыскивать почти незнакомого мне мужчину потому, что полиция делает это недостаточно нежно?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Эстер отвернулась к улице и с внезапным усердием принялась рассматривать проезжавший кэб.

Мириам выдержала короткую паузу.

— Я рассчитывала, что вы нас выслушаете. Остальное зависит от нашей убедительности.

— И от того, насколько мне будет скучно завтра утром.

— Разумеется.

Вот это было уже ближе к правде.

Продолжить разговор Мириам предложила завтра, у них в Блумсбери. Там были последние письма Лайонела, и там же можно было без лишних ушей поговорить о его недавних встречах, планах и кое о чём ещё, чего она не собиралась обсуждать у дверей полицейского участка.

— Почему не рассказать Фоссу?

Обе замолчали.

Совсем ненадолго.

— Вот теперь становится любопытно.

Мириам предложила продолжить разговор завтра.

— В одиннадцать, — уточнила Эстер.

— Вы уже назначили мне время?

— Приглашать без времени невежливо.

— Обычно приглашение ещё предполагает согласие приглашённого.

— Мы оптимистки.

— Она оптимистка, — поправила Мириам. — Я просто подготовилась.

Валентайн усмехнулся. Тревожные тётушки начинали всё меньше походить на женщин, случайно остановивших его у полицейского участка.

Он сказал об этом почти прямо.

Мириам несколько секунд смотрела на него, затем призналась:

— Ваш интерес необязательно должен ограничиваться Лайонелом.

Вот теперь они наконец добрались до цены разговора.

Эстер с удовлетворением заметила, что предсказывала именно этот момент, только немного раньше. Сестра же напомнила: она дала лорду Эштону время из вежливости.

— Продолжайте, пока ваша семейная дискуссия окончательно не испортила мне настроение.

Мириам достала футляр для визиток.

Им было известно, что в последние месяцы поверенный Валентайна дважды запрашивал сведения о нескольких хозяйствах к северу от города: залоги, состояние земель, порядок наследования.

Бернард не пошевелился.

Валентайн тоже.

— Основательно вы изучили мои дела для двух встревоженных тётушек.

— Мы *очень* встревоженные тётушки.

— И *очень* основательные, — вставила Эстер.

На этот раз речь шла о Блэквудах.

Эдмунду Блэквуду через несколько месяцев исполнялось восемнадцать. После смерти отца он унаследовал поместье вместе с долгами и дядей, временно распоряжавшимся делами. Второе, по мнению Валентайна, было почти хуже первого.

Бумаги он действительно смотрел.

Особенно его интересовал яблоневый сад.

Несколько десятков акров хорошей земли, старые сорта, заброшенные деревья, почти не используемый сидровый пресс и управление, состоявшее в основном из равнодушия, долгов и хозяйственной беспомощности. Валентайн уже дважды пытался купить сад — скорее из желания спасти его от владельцев, чем наоборот.

Дважды получил отказ.

— Что с ним?

— Он приносит меньше четверти того, что мог бы.

— Это видно и без тайных сведений.

— Но вам, возможно, неизвестно почему.

Теперь Валентайн перестал смотреть на футляр.

Мириам позволила себе маленькую паузу.

Да, дядя Блэквуда имел к этому отношение.

Как именно — завтра.

Валентайн рассмеялся.

— Нет. Закрытые коробки я покупаю только после того, как мне разрешат хотя бы потрясти их.

Эстер улыбнулась первой. Мириам продержалась ненамного дольше.

Пришлось дать больше.

Сад был вовсе не таким безнадёжным, каким его последние годы старались представить. Большинство деревьев оставались живы, старые сорта сохранились, урожай собирали только с части площади. Хуже того, часть сидра продавалась так, что деньги почти не появлялись в отчётности хозяйства.

Бернард, до сих пор сохранявший вид исключительно дворецкого, спросил:

— Насколько «почти»?

Мириам посмотрела на него с явным одобрением.

Достаточно, чтобы заинтересовать хорошего управляющего. И достаточно мало, чтобы юный хозяин не понимал, куда уходит его имущество.

— Мне казалось, вы сегодня дворецкий, — сказал Валентайн.

— Я стараюсь соответствовать обстоятельствам.

— Не старайтесь.

Кроме сидра существовали старые договоры, спорный долг и кое-что о правах на соседний участок. Всех бумаг у сестёр не было, зато они знали, где искать остальные.

На вопрос, откуда им всё это известно, женщины переглянулись.

На этот раз без улыбки.

— Это связано с Лайонелом?

Мириам убрала футляр в сумочку.

— Завтра.

И протянула карточку.

Кремовая бумага, фамилия Розен, адрес в Блумсбери.

Сделка была проста, хотя Мириам упорно отказывалась называть её сделкой. Валентайн тратит пару часов на разговор о Лайонеле. Если решит помочь — получает сведения о Блэквудах. Если племянник найдётся раньше, сведения достанутся ему бесплатно, а Мириам будет только рада.

— А если я найду его мёртвым?

Эстер перестала улыбаться.

Мириам побледнела едва заметно, но Валентайн заметил.

— Тогда вы всё равно получите всё, что мы знаем.

Он почти сразу пожалел о вопросе.

Не потому, что тот был особенно жесток. Просто впервые за весь разговор перед ним стояли не две умные женщины, ведущие переговоры, а две тётки, у которых со вчерашнего вечера не вернулся домой мальчишка, пусть этому мальчишке давно уже полагалось научиться не коллекционировать яды и чужих супругов.

Эстер опустила глаза.

Мириам подтянула перчатку на запястье и снова стала собой.

— Поэтому я и прошу вас приехать.

Валентайн убрал карточку во внутренний карман.

— Я ничего не обещаю. И если выяснится, что ваш племянник просто пьёт где-нибудь с чужой женой, стоимость моего времени определю сам.

— Тогда, если найдёте, сразу отправьте домой, — сказала Эстер. — Особенно если это будет утром. Натощак он невыносим.

— Эстер.

— Лорду Эштону следует знать правила транспортировки.

Сёстры ушли под одним большим зонтом. Мириам держалась прямо, Эстер почти сразу что-то сказала ей вполголоса и получила резкий ответ. Через несколько шагов обе оглянулись.

Дождь усиливался.

— Очень предусмотрительные женщины, — заметил Бернард.

— Очень назойливые.

— Одно не исключает другого.

Валентайн покосился на него.

Об интересе хозяина к Блэквудскому саду Бернард, разумеется, знал. О двух тётушках поэта, которые каким-то образом добрались до счетов, договоров и неучтённого сидра, — нет.

— Значит, сегодня вы всё-таки узнали не всё.

— Оставляю пространство для профессионального роста.

Они сели в экипаж.

За стеклом поплыли мокрые фасады, вывески и зонты; редкие пятна света дрожали на мостовой и ломались под колёсами. Валентайн ещё раз достал карточку.

Некоторое время оба молчали.

— Завтра в одиннадцать у меня что-нибудь назначено?

— Было.

Валентайн поднял голову.

Бернард смотрел в окно.

— Я ещё не согласился ехать.

— Нет. Но после слов о неучтённом сидре вы перестали смотреть на экипаж и начали задавать вопросы.

Несколько секунд Валентайн изучал его профиль.

— Ненавижу, когда вы наблюдательны.

— Это осложняет службу, но до сих пор вы терпели.

— А если утром я решу остаться дома?

Бернард повернулся к нему.

— Тогда у вас внезапно окажется несколько свободных часов. В вашем возрасте это полезно.

— В моём возрасте?

— Тридцать два, милорд. Практически старость.

Валентайн хмыкнул и откинулся на спинку. Когда-нибудь он действительно уволит Бернарда, вероятно, сразу после визита к Розенам.

Потому что пропавший поэт по-прежнему интересовал его весьма умеренно. Тётушки — чуть больше. Зато мысль о том, что Блэквудский сад вовсе не бесполезен, уже засела в голове и начала скрести изнутри.

Бернард это, конечно, заметил.

К счастью, хотя бы промолчал.

***

На следующий день без пяти одиннадцать Валентайн стоял перед домом Розенов в Блумсбери и рассматривал латунную дверную ручку с тем выражением, какое обычно приберегал для людей, заставивших его пожалеть о данном слове.

Бернард благоразумно оставил вчерашний разговор без комментариев

Утро выдалось холодным и ясным. После ночного дождя мостовая ещё темнела от сырости, а редкое ноябрьское солнце только подчёркивало, насколько мало от него пользы. На Валентайне было тёмно-серое пальто поверх синего костюма с узким жилетом; высокий воротник почти скрывал старый шрам. Золотистые волосы утром привели в безукоризненный порядок, но возле висков уже выбились первые волнистые пряди, и ранняя седина слева особенно резко выделялась на их тёплом фоне. В ухе вместо вчерашней длинной подвески сидело небольшое золотое кольцо с тёмно-зелёным камнем.

Бернард заметил перемену ещё в экипаже и, к удивлению Валентайна, воздержался от комментариев.

— Только не говорите, что мы приехали раньше.

— На сорок две секунды, милорд. Я решил проявить милосердие.

Дом оказался светлее и спокойнее, чем Валентайн ожидал от двух женщин, способных устроить деловые переговоры под дождём возле полицейского участка. Хорошие ковры, старые гравюры, несколько вещей очевидно дороже остальной обстановки, запах кофе и свежей выпечки. Деньги здесь водились давно и потому не считали нужным постоянно напоминать о своём существовании.

Мириам встретила их в гостиной, Эстер уже сидела у камина. Кроме сестёр там находилась незнакомая женщина лет тридцати — крепкая, широкоплечая, с тяжёлой русой косой и простоватым лицом, которое становилось интереснее, стоило посмотреть в почти бесцветные серые глаза. Она сидела у окна с книгой на коленях, чуть отрешённая от комнаты, словно её присутствие здесь было временной уступкой обстоятельствам.

— Офелия Морланд, — сказала Мириам. — Близкая подруга Лайонела.

— Иногда, — уточнила Офелия.

Валентайн передал пальто Бернарду и задержал на ней взгляд.

— Иногда близкая?

— Иногда подруга.

Эстер налила ему кофе.

— Офелия пишет стихи.

— О Севере, — поправила та.

— Она никогда не была севернее Эдинбурга.

Офелия посмотрела на Эстер с терпеливым сожалением.

— Север не география. Это состояние духа.

Валентайн взял чашку.

— Очень удобно. Существенно дешевле путешествий.

Офелия, к его неудовольствию, задумалась.

— Я никогда не рассматривала это с экономической стороны.

— Снова, — вздохнула Мириам. — В прошлый раз после подобного разговора ты написала сорок строк о гибели торговли под снегом.

— Тридцать шесть.

— Для торговли разница была несущественной.

Валентайн поймал взгляд Бернарда и понял, что тот уже вполне доволен своим утром.

Разговор, к счастью, быстро вернулся к Лайонелу.

Мириам не стала смягчать главное. Летиция Вейн действительно бывала здесь довольно часто: приносила Розену рассказы, просила посмотреть рукописи, иногда получала от него рекомендации редакторам. Любовной связи, насколько знали сёстры, между ними не было.

— Почему полиция тогда так заинтересовалась? — спросил Валентайн.

— Потому что «насколько нам известно» в пересказе окружающих мгновенно превращается либо в «безусловно да», либо в «безусловно нет». В зависимости от того, какая версия интереснее.

Это он уже видел у «Семи фонарей» и спорить не стал.

Офелия, всё ещё державшая книгу раскрытой, заметила, что Летиция действительно приходила к Лайонелу за помощью, хотя жаловаться ему было занятием неблагодарным: он либо решал чужую проблему, либо объяснял человеку, почему тот сам её создал.

— Обычно и то и другое, — добавила она. — Иногда в таком порядке, что к концу уже не радуешься решению.

— Вы чрезвычайно нежно о нём отзываетесь.

— Я беспокоюсь.

— Это хорошо замаскировано.

Офелия закрыла книгу и впервые посмотрела на него без прежней отрешённости.

— Я провела всю ночь без сна. Просто не вижу смысла бегать по комнате и повторять его имя. Если он жив, это ему не поможет. Если умер — тем более.

После короткой паузы она добавила:

— У северных народов отношение к смерти вообще было значительно здоровее.

Валентайн отпил кофе.

— Я чувствовал, что Север ещё вернётся.

Эстер фыркнула в чашку.

Мириам решила спасать разговор и достала из бюро небольшой ключ.

Полиция уже осмотрела комнаты Лайонела и его коллекцию. Само слово «коллекция» оказалось почти эвфемизмом: Розен годами покупал редкие минералы, лекарственные препараты, настойки, высушенные растения и яды, которые по отдельности ещё можно было счесть научным интересом, а вместе они производили впечатление очень обстоятельно подготовленного преступления.

Каталог тоже существовал — в меру возможностей человека, считавшего порядок разновидностью домашней тирании.

Аконит в каталоге значился: небольшой флакон настойки, приобретённый около года назад. Теперь на его месте между соседними пузырьками оставался пустой промежуток.

Валентайн поставил чашку на блюдце.

— И Летиция знала о коллекции?

— Наверняка знала, что она существует. Могла видеть и шкаф. Лайонел не устраивал экскурсий, но и тайны из своих увлечений не делал. Ключ держал в столе.

— В запертом ящике?

Эстер посмотрела на него почти с жалостью.

— Вы по-прежнему приписываете нашему племяннику значительно больше здравого смысла, чем мы.

Ответ был понятен.

Картина складывалась слишком аккуратно. Летиция бывала в доме, яд исчез из коллекции Розена и вскоре оказался на вилке Агаты. Сам Розен пропал как раз тогда, когда полиция начала интересоваться происхождением аконита.

Для человека, которому, возможно, нечего было скрывать, он устроил вокруг себя удивительно убедительные декорации.

— Кто видел его последним?

Мириам ещё не успела ответить, когда Офелия произнесла:

— Я.

Книга наконец легла на диван.

Лайонел пришёл к ней вечером, около семи, пробыл примерно час, съел большую часть приготовленного для неё ужина, выпил почти всё вино и сообщил, что в новом стихотворении слишком много снега.

— Там две строфы со снегом, — с заметной обидой уточнила Офелия. — Из девятнадцати.

— Возможно, он предупреждал развитие болезни.

Она посмотрела на Валентайна.

— Вы тоже не любите снег?

— До сегодняшнего утра я относился к нему нейтрально.

Эстер опустила лицо к чашке.

Офелия решила его простить и продолжила. Незадолго до ухода Лайонелу принесли записку. Посыльным был мальчишка, которого она прежде не видела. Розен прочёл письмо, перечитал, после чего совершенно перестал интересоваться вином, снегом и её поэзией.

— То есть положение было серьёзным, — заметил Валентайн.

На этот раз даже Офелия улыбнулась.

— Очень.

Она хорошо запомнила единственную фразу. Лайонел посмотрел на записку и сказал:

— «Какой же он всё-таки идиот».

На вопрос, кого имеет в виду, ответил только: «Мальчик», взял пальто и ушёл.

Мириам и Эстер переглянулись.

Быстро, почти незаметно.

Валентайн поставил локоть на подлокотник.

— Вы знаете, о ком речь.

Мириам вздохнула.

— Скорее предполагаю. Лайонел знаком с Эдмундом Блэквудом.

Вот теперь вчерашняя приманка окончательно соединилась с сегодняшним исчезновением.

Молодой Блэквуд несколько месяцев назад написал Розену после выхода сборника стихов. Тот почему-то ответил. Переписка превратилась в знакомство; Лайонел несколько раз ездил в поместье и однажды привёз Эдмунда к тётушкам обедать.

— Эту небольшую подробность вчера вы сочли несущественной?

— Вчера я обещала вам сведения сегодня.

— У вас поразительно разработанная система рассрочки правды.

— Иначе вы бы не приехали.

Возразить на это было неприятно именно потому, что она была права.

Офелия тем временем смотрела куда-то поверх их голов, словно наконец обнаружила закономерность, доступную только людям, мысленно живущим среди фьордов.

— Это был Блэквуд.

— В записке? — спросила Мириам.

— Лайонел называл его мальчиком.

— Эдмунду скоро восемнадцать.

— Для Лайонела все, кого он пытается спасать, быстро становятся детьми, идиотами или обоими сразу.

Это уже звучало полезнее её обычной скандинавской мистики.

Мириам принесла из бюро тонкую папку. В ней были копии нескольких счетов и долговых обязательств Блэквуда. Суммы для почти несовершеннолетнего наследника выглядели достаточно неприятно, а обстоятельства их появления — ещё хуже. Часть дел поместья до его совершеннолетия вёл дядя, сэр Реджинальд, и Лайонел в последние месяцы всё чаще пытался понять, почему долги племянника растут быстрее его собственных расходов.

Иногда Розен давал Эдмунду деньги.

Судя по лицам тётушек, семейные обсуждения этой благотворительности проходили громко.

— Он действительно настолько привязан к мальчику? — спросил Валентайн, перелистывая бумаги.

Мириам пожала плечом.

— Они друзья. Лайонел его жалеет, хотя слово это при нём лучше не употреблять. У обоих рано умерли родители. Возможно, этого хватило.

Офелия у окна тихо произнесла:

— Сначала он смеялся над его долгами. Потом перестал.

Валентайн поднял голову.

— Почему?

Она задумалась. На мгновение в её лице исчезло всё странное — и выдуманный Север, и равнодушие, и привычка говорить так, будто половина собеседников давно умерла в саге.

— Потому что дело стало не в деньгах. Лайонел однажды сказал: если с Эдмундом случится ещё один несчастный случай, он сам убьёт его дядю.

Мириам резко повернулась.

— И ты молчала?

— Он ежедневно обещает кого-нибудь убить. Обычно по литературным причинам.

Валентайн едва удержался от улыбки.

— Но это вы запомнили.

— Он сказал иначе.

— Как?

Офелия чуть нахмурилась.

— Без удовольствия.

Этого оказалось достаточно.

Мириам объяснила остальное уже без шуток. Лайонел подозревал, что сэр Реджинальд постепенно загоняет племянника в долги и готовит положение, при котором тот либо отдаст часть земли, либо подпишет документы, не особенно понимая последствия. В центре всей истории постоянно возникал старый яблоневый сад — хозяйство почти заброшенное, но далеко не бесполезное. Что именно хотел получить дядя и почему Лайонел вдруг заговорил о несчастных случаях, тётушки не знали.

Зато теперь Валентайн понимал, почему его так старательно заманивали сюда именно Блэквудом.

Он закрыл папку.

— Я хочу посмотреть комнаты Лайонела.

— Полиция уже смотрела, — напомнила Мириам.

— Я видел «работу» полиции последние два дня.

Она взяла ключ.

Офелия проводила его взглядом и, когда он уже направился к двери, попросила:

— Если найдёте его, не говорите, что я переживала.

Валентайн обернулся.

— Потому что?

— Он станет невыносимо доволен собой.

— По вашим рассказам, это состояние у него хроническое.

На её простоватом лице вдруг появилась совсем другая улыбка — тёплая и почти красивая.

— Думаю, вы поладите.

— Исключено.

Бернард последовал за ним в коридор.

— Несомненно, милорд.

Валентайн даже не повернул головы.

— Я уже начинаю сожалеть, что Север не является географическим понятием. Иначе мисс Морланд можно было бы туда отправить.

Позади послышался голос Офелии:

— Он всё равно вас найдёт.

Валентайн остановился на первой ступени лестницы и медленно посмотрел назад.

Офелия совершенно серьёзно допивала чай.

Бернард выдержал около трёх секунд.

— Состояние духа, милорд.

— Я вас ненавижу.

Они поднялись на второй этаж. Мириам уже ждала у двери комнаты племянника и, едва они подошли, повернула ключ в замке.

Валентайну хватило нескольких секунд внутри, чтобы понять: полиция искала здесь прежде всего яд и потому смотрела не туда.

Его интересовал сам Лайонел — точнее, то, что человек оставил после себя, когда исчез.

Кабинет был просторный, тёплый и настолько забит вещами, будто здесь недавно произошло очень образованное ограбление. Книги занимали шкафы, стол, подоконник и часть пола; одна торчала между диванной подушкой и стеной. На кресле висел превосходный бархатный сюртук, из-под него выглядывал женский шарф, сверху лежал неоплаченный счёт от портного. У камина сохли два ботинка, не составлявшие пару. На полке соседствовали китайская курильница, веточка белладонны, сломанные часы и серебряный портсигар с чужими инициалами.

Валентайн оглядел всё это.

— Полагаю, полиция ничего не трогала?

— Почти ничего. Это обычное состояние.

Бернард поднял с письменного стола кружевную перчатку.

Происхождение перчатки оказалось загадкой даже для Мириам

Эстер, заглянувшая через плечо сестры, предположила:

— Может быть его.

Бернард очень аккуратно положил перчатку обратно.

Валентайн решил, что некоторые вопросы лучше оставлять потомкам.

Розен отсутствовал, но успел распределиться по ней так основательно, что отсутствие тела почти не ощущалось. Несколько собственных портретов стояли на полке, зато над письменным столом висела маленькая гравюра с повешенным — подарок издателя. Поля книг были исписаны размашисто, умно и местами непристойно. В трактате о нравственности целая страница оказалась перечёркнута и снабжена единственным комментарием:

Нет.

— По крайней мере один преданный почитатель у него точно есть.

— Лайонел?

— Лайонел.

Бернард уже стоял возле шкафа с ядами.

На фоне остальной комнаты тот выглядел даже респектабельно: тёмное дерево, стекло, латунный замок, внутри — ровные ряды пузырьков и коробочек.

— Всё действительно опасное он хотя бы хранит аккуратно.

— У Лайонела своеобразные представления о приоритетах.

Замок полиция вскрыла раньше них.

Между двумя флаконами зияло пустое место. Под ним рукой хозяина было выведено: *Aconitum napellus*.

Бернард нашёл каталог.

Четыре унции. Куплена в феврале прошлого года.

— Щедро для литературного интереса, — заметил Валентайн.

— Возможно, собирался написать длинное стихотворение.

— После мисс Морланд не произносите при мне этих слов.

Из коридора немедленно отозвалась Офелия:

— У скальдов были песни по четыре тысячи строк.

Валентайн на секунду прикрыл глаза.

— Она слышит через стены?

— Север обостряет чувства, милорд.

— Бернард.

— Молчу.

Полицейский обыск узнавался по нескольким подозрительно ровным стопкам среди природного хаоса. Валентайн прошёлся по комнате, отмечая пустые места и следы исчезнувших вещей.

Дорожный сундук под окном был закрыт. Хорошее пальто висело в шкафу. Рубашки оставались на полке, возле двери — та самая трость с серебряным набалдашником. В спальне на туалетном столике лежали бритва, духи, щётки для волос, открытая коробочка с запонками.

Человек, решивший внезапно покинуть Англию, оставил дома практически всё, чем ежедневно превращал себя в Лайонела Розена.

Валентайн взял золотую запонку с маленьким гранатом.

Эстер посмотрела мельком.

— Вторую можете не искать. У Лайонела парные вещи долго не живут.

На кровати лежала раскрытая книга, между страницами которой торчал сложенный вдвое лист. Бернард вынул его и пробежал глазами.

Письмо было от женщины, и к последним строкам заметно теряло терпение: автор клялась больше никогда не видеть «этого бесстыдного, бесчувственного животного». Датировано оно было позавчерашним числом.

На обороте рукой Лайонела значилось:

В четверг в восемь.

— Предусмотрительно, — заметил Бернард.

— Возможно, он записал время, с которого намерен больше с ней не встречаться.

— Тогда особенно предусмотрительно.

Внизу хлопнула дверь.

Через несколько секунд на лестнице послышались быстрые шаги и два голоса, один из которых — мужской — безуспешно пытался звучать тише второго.

Мириам поморщилась.

— Именно сейчас?

— Судя по интонации, — сейчас.

Женщина вошла без приглашения.

Ей было около тридцати пяти, и её красота давно уже не зависела от удачного освещения или случая. Селеста Бёрн прекрасно знала, когда задержаться в дверях, как повернуть голову и почему иногда стоит снимать перчатку чуть медленнее, чем требуется. Тёмные волосы были уложены низко и гладко, зелёное платье сидело безупречно.

Она вошла неторопливо, оглядела комнату и сразу дала понять, что явилась за своим. Чужая трагедия могла оказаться досадным обстоятельством, но причиной менять планы — едва ли.

Следом вошёл высокий темноволосый мужчина в полицейском пальто.

Бернард узнал его первым.

— Детектив-сержант Мерсер.

Сержант остановился на пороге чуть дольше, чем требовалось.

— Бернард.

— Рад видеть, что обстоятельства снова располагают к знакомству.

Селеста уже смотрела мимо них, в глубину комнаты.

— Где тетрадь?

Мириам выдохнула через нос.

— Доброе утро, мисс Бёрн.

— Доброе. Где тетрадь?

О том, что Лайонел пропал, она знала: Александр успел рассказать. При собственном имени сержант едва заметно сжал челюсть, и этого Валентайну оказалось достаточно.

— Полиция теперь доставляет новости вместе с дамами?

— Мисс Бёрн располагает сведениями, имеющими отношение к делу, — ответил Мерсер.

— Я располагаю ключом, — уточнила Селеста.

Она открыла сумочку и положила ключ на ладонь.

Мерсер посмотрел сначала на него, потом на неё.

— Вы не говорили, что он у вас есть.

— Ты не спрашивал.

Валентайн покосился на Бернарда. Тот как раз счёл содержимое шкафа с ядами достойным самого пристального изучения.

Мириам же на ключ даже не взглянула. Похоже, для неё новостью он не был.

Тетрадь понадобилась Селесте из-за песен: в четверг репетиция. Если Лайонел жив, потом накричит. Если мёртв — тем более не помешает.

— У вас очень практичные отношения со смертью.

Только теперь она внимательно посмотрела на Валентайна: волосы, седая прядь, серьга, лицо.

— Вы Эштон.

— А вы наблюдательны.

— Лайонел описывал вас хуже.

— Мы не были лично знакомы.

— Ему это никогда не мешало.

Вот это уже было любопытно.

Селеста подошла к низкому книжному шкафу, без колебаний вынула третий том какого-то французского поэта и нажала пальцем на край панели за ним. Дерево тихо подалось; за книгами обнаружилась узкая ниша, в которой лежали две тетради.

Мерсер проследил за её движениями с таким вниманием, что Валентайну почти стало жаль его заранее.

— Откуда вы знаете про тайник?

Селеста достала верхнюю тетрадь и только тогда взглянула на него.

— Александр.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Именно поэтому и назвала твоё имя.

Валентайн счёл окно внезапно заслуживающим внимания. Рядом Бернард кашлянул в кулак.

Мерсер перевёл взгляд на него.

— Что?

— Ничего, сэр. Пыль.

— В закрытом шкафу?

— Особенно коварная разновидность.

Селеста тем временем уже листала тетрадь. Сначала быстро, привычно отбрасывая страницу за страницей, потом всё медленнее. Наконец пальцы замерли на одном развороте.

— Чёрт.

Мириам подошла ближе.

У самого сгиба оставалась узкая полоска бумаги: одну страницу вырвали почти вплотную к нитке. Селеста нахмурилась. Вчера утром лист ещё был на месте — там начинался второй куплет одной из песен, и Лайонел обещал переделать последнюю строку.

— А кроме песни?

Она пожала плечами.

— Не помню. Он пишет где придётся. Иногда на полях собственных стихов, иногда поверх счетов, однажды закончил строфу на приглашении к человеку, которого терпеть не мог.

Бернард взял тетрадь и подошёл с ней к окну. На остатке страницы у переплёта сохранились несколько чернильных штрихов.

— Здесь было что-то ещё, милорд.

Валентайн склонился над тетрадью. От слова уцелел только конец:

wood.

Селеста тоже посмотрела.

— Это из песни?

— Очень надеюсь, что нет. Поэзии в этом доме и без того достаточно.

Мерсер протянул руку за тетрадью, но Селеста не отдала её сразу.

— Она мне нужна к четвергу.

— Теперь она нужна полиции.

— Полиции нужны мои песни?

— Полиции нужна вырванная страница.

— Которой здесь нет.

— Именно.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Селеста всё-таки вложила тетрадь ему в руку.

— Вернёшь.

— Если она не понадобится как вещественное доказательство.

— Александр.

В одном его имени прозвучало достаточно, чтобы Валентайн решил: окончательная стоимость этой победы будет взыскана с сержанта позднее и без всякого протокола.

Селеста уже натягивала перчатку, когда вдруг остановилась.

— Кстати, он собирался уехать.

Мириам замерла.

— Куда?

— Не сказал. Позавчера велел забрать записи поскорее, потому что некоторое время его не будет в Лондоне.

Валентайн перевёл взгляд на сестёр. Мириам побледнела едва заметно; Эстер, напротив, застыла с той чрезмерной неподвижностью, которая обычно выдавала больше, чем суета.

Он промолчал.

Селеста тем временем пояснила, что спрашивать Лайонела о направлении поездки почти бесполезно. Тот мог выйти купить сигареты и через три недели прислать письмо из Брюгге. Однажды он отправился на два дня в Бат, а месяц спустя сообщил из Венеции, что город переоценён.

— Почему Венеция? — спросил Валентайн.

— Никто не знает. Возможно, он тоже.

— Утомительный человек.

— Иногда. Зато пишет хорошие песни.

Теперь причина её утреннего визита окончательно прояснилась.

В дверях почти бесшумно появилась Офелия и остановилась, увидев Селесту.

— Ты пришла за песнями.

— А ты, как я вижу, за страданием.

Офелия слегка прищурилась.

— Кто-то же должен воспринимать его исчезновение серьёзно.

— Я воспринимаю. Просто не считаю обязательным делать это на семи страницах со снегом.

— Там было шесть.

— Редактор всё-таки добрался до рукописи?

Валентайн почувствовал, что расследование рискует приобрести совершенно иное направление.

Мириам оборвала их прежде, чем снег успел перейти в метель.

— Лайонел исчез меньше двух суток назад. Может быть, вы поделите его после того, как он найдётся?

— Я его не делю, — сказала Селеста.

Офелия ответила одним взглядом, и на этот раз отсутствие реплики оказалось значительно выразительнее самой реплики.

Бернард негромко заметил:

— Пожалуй, милорд, аконит здесь действительно не единственная опасность.

— Я уже начинаю это подозревать.

Селеста услышала, но спорить не стала. Уже у двери она обернулась к Мерсеру.

— Когда закончишь изображать государственную необходимость, вернёшь мне тетрадь.

Она поцеловала его в щёку — быстро, буднично и потому особенно губительно для остатков служебной невозмутимости — и вышла.

Офелия проводила её долгим взглядом.

— У неё нет внутреннего Севера.

Валентайн уже натягивал перчатки.

— Мисс Морланд, у неё есть ключ от комнаты вашего любовника, тайник с его рукописями и полицейский, которого она целует при свидетелях. Полагаю, внутренним имуществом мисс Бёрн обеспечена достаточно.

Бернард отвернулся. Мириам рассмеялась, а Офелия задумалась с такой серьёзностью, что Валентайн немедленно пожалел о сказанном: ещё немного, и из этой фразы действительно получится поэма.

Он снова взял у Мерсера тетрадь и посмотрел на жалкий остаток слова у переплёта.

wood.

Четыре буквы сами по себе не доказывали ничего. Но теперь у них хотя бы появилось нечто, чего здесь вчера ещё не было: вырванная страница.

Но они слишком хорошо ложились рядом с Блэквудами, вчерашней запиской и той короткой, плохо спрятанной реакцией тётушек на известие о предстоящем отъезде Лайонела.

Комната рассказала достаточно.

Розен действительно собирался исчезнуть из Лондона. Вот только человек, намеренный уехать из собственной квартиры, обычно берёт пальто, трость, бельё и хотя бы один из многочисленных предметов, без которых не считает себя цивилизованным.

Всё необходимое для обычного отъезда осталось дома. И всё же Розен явно собирался уехать.

Значит, отправляться он собирался из другого места.

И Мириам Розен, судя по всему, прекрасно знала какого.

Неприличное исчезновение мистера Розена. Часть II

Для обычного отъезда в комнатах Лайонела оставалось слишком много нужных вещей. И всё же уехать он собирался.

Значит, багаж приготовили где-то ещё.

Судя по реакции Мириам, это открытие для неё новостью не стало.

Валентайн задержал на ней взгляд. Она выдержала его с привычным спокойствием — пожалуй, даже чересчур уверенным для женщины, которая ещё вчера остановила почти незнакомого человека под дождём и просила помочь с исчезнувшим племянником.

Расспрашивать её сейчас он счёл бессмысленным.

Мерсер забрал тетрадь вместе с остатком вырванной страницы и после короткого спора с Эстер — та пыталась выяснить, превращается ли временное изъятие семейной собственности в похищение, если полиция обещает потом всё вернуть, — уехал в участок. Офелия снова погрузилась в свои северные размышления, а Мириам проводила гостей до лестницы и обошла молчанием собственную реакцию на слова Селесты.

К полудню дом Розенов остался позади. Бернард отправился заниматься делами, которые именовал хозяйственными и в которые хозяин предпочитал без необходимости не вникать. Сам Валентайн успел просмотреть почту, отказать одному человеку в деньгах, другому — во встрече, подписать три бумаги и почти вернуть дню видимость нормальной жизни.

Получилось ненадолго.

Около четырёх принесли записку из полиции.

Фосс просил лорда Эштона зайти «по возможности сегодня» и ниже, уже более тяжёлым нажимом, уточнял: *желательно до пяти*.

Бернард прочёл через плечо.

— Инспектор постепенно расстаётся с представлением, что у вас бывают собственные планы.

— Его можно понять. Вы пережили эту утрату много лет назад.

Внизу Мерсер добавил несколько строк: после утреннего визита в Блумсбери появились новые сведения, а сестёр Розен тоже попросили приехать в участок.

Валентайн окончательно простился с надеждой на спокойный вечер.

Мерсер наверняка уже рассказал Фоссу о предстоящем отъезде Лайонела. Инспектора должен был заинтересовать тот же вопрос, который с утра засел в голове у Валентайна: человек готовился покинуть Лондон, хотя его комнаты выглядели так, будто он вышел всего на час.

К пяти Валентайн второй раз за двое суток входил в полицейский участок и начинал подозревать, что расследования незаметно переходят у него в разряд дурных привычек.

Сёстры ещё не приехали.

— Мы первые? — спросил он, снимая перчатки.

Бернард сверился с часами.

— Полагаю, экипаж за ними отправили позднее. Возможно, инспектор решил дать вам несколько минут, чтобы вы составили собственную версию событий раньше него.

— Я пока никого ни в чём не обвиняю.

— Разумеется, милорд.

Именно это невозмутимое «разумеется» Валентайну совершенно не понравилось.

До обвинений дело действительно ещё не дошло. Его гораздо больше интересовало, какую часть истории Мириам оставила при себе и зачем.

Фосс ждал в знакомом кабинете, за столом, заваленным бумагами. Вид у инспектора был такой, словно за день ему уже пришлось последовательно разочароваться в человеческом роде, железных дорогах и нескольких конкретных женщинах.

Мерсер стоял у окна. После утренней встречи с Селестой Бёрн сержант выглядел ещё сдержаннее обычного, что Валентайн счёл вполне естественным последствием близкого знакомства с этой дамой.

Фосс указал на стул.

— Садитесь. Этот удобнее вчерашнего.

Валентайн опустился в кресло.

— Потрясающий профессиональный рост.

Бернард устроился у стены с тем безупречно нейтральным выражением, которое означало, что дворецкий здесь исключительно ради сопровождения и потому намерен услышать каждое слово.

Фосс сразу перешёл к делу.

— Вчера сёстры Розен сами подошли к вам возле участка и сказали, что Лайонел исчез без предупреждения?

— Да. Особое внимание уделили тому, что он оставил вещи дома.

— О возможном отъезде за границу кто-нибудь упомянул?

— Впервые я услышал об этом сегодня от Селесты Бёрн.

Фосс взял небольшую картонную квитанцию, лежавшую среди бумаг, и придвинул её через стол.

— После доклада Мерсера мы снова проверили вокзалы. Уже с учётом того, что Розен мог заранее приготовить поездку. И на этот раз нашли кое-что полезнее слухов.

Вчера около шести вечера на одном из вокзалов оставили дорожный саквояж с распоряжением хранить его до вечернего поезда. Он простоял там всю ночь, а утром служащий сообщил полиции, что хозяин за багажом так и не появился.

Валентайн взял квитанцию.

— Кто его привёз?

— Кучер Розенов.

Вот теперь утро в Блумсбери начало приобретать совершенно иной вид.

— По чьему распоряжению?

— С этим вышло интереснее. Сначала кучер назвал Мириам, потом решил, что память его подвела, и вспомнил Эстер. Я пока склонен считать существенным другое: саквояж принадлежал Лайонелу.

Валентайн ещё раз посмотрел на квитанцию.

— Покажите.

Фосс распорядился внести багаж.

Саквояж оказался хорошим, почти новым, из тёмной кожи. Уже одного взгляда на него хватило, чтобы Валентайн почувствовал, как утреннее раздражение возвращается с заметно большей силой.

Когда ремни расстегнули, внутри обнаружилось именно то, чего несколько часов назад так убедительно не хватало в комнатах Лайонела: чистые сорочки, бельё, дорожный несессер, щётка, запасной воротник, тёплые перчатки и одеколон. Под ними лежали дорожное пальто, конверт с деньгами и билет.

Фосс протянул билет Валентайну.

Маршрут вёл во Францию, дальше — в Париж.

Валентайн провёл большим пальцем по краю плотной бумаги. Утром две чрезвычайно встревоженные тётушки показывали ему трость у двери, одежду в шкафу и комнату человека, который будто вышел ненадолго. Между тем сорочки, дорожное пальто, деньги и билет уже ждали Лайонела на вокзале.

Причём отправил их туда семейный кучер.

В дверь постучали. Констебль сообщил о прибытии сестёр Розен, и через минуту Мириам вошла в кабинет, стягивая перчатку на ходу. Увидев раскрытый саквояж, она остановилась. Эстер едва не столкнулась с ней и выглянула из-за плеча сестры.

По её лицу Валентайн понял, что багаж они узнали сразу.

— Прекрасно, — сказал он, возвращая билет Фоссу. — Значит, вчера мне показывали комнату человека, который якобы исчез, пока его вещи уже ожидали на вокзале. Теперь хотя бы понятно, зачем понадобились яблони.

Мириам приняла укол спокойно.

— Я собиралась вам рассказать.

— Не сомневаюсь. Вопрос исключительно в выбранном вами столетии.

Фосс жестом пресёк продолжение.

— С этим разберётесь позже. Миссис Розен, саквояж отправили по вашему распоряжению?

Эстер ответила раньше сестры:

— По моему. Лайонел хотел уехать, не возвращаясь домой, поэтому я велела кучеру отвезти вещи заранее.

— Он должен был забрать их лично?

— Конечно. Я дала ему квитанцию и объяснила, к кому обратиться.

— Во сколько?

— Около половины девятого. Может быть, чуть раньше.

Фосс положил билет на стол.

— Тогда у нас возникла проблема. Саквояж простоял на вокзале всю ночь.

Эстер нахмурилась.

— Простите?

— За ним никто не пришёл. Квитанцию не предъявляли, деньги и билет остались внутри.

Она подошла к столу и коснулась лежавшего сверху пальто.

— Но Лайонел всё знал. Я сама объяснила ему, куда ехать.

— Возможно, он передумал, — сказал Фосс.

— Лайонел способен передумать ещё до того, как закончит сообщать вам о первоначальном решении. Он мог пропустить поезд, выбрать другой, внезапно возненавидеть Париж и отправиться в Италию. Но тогда он прежде всего забрал бы деньги.

Домашняя насмешливость исчезла из её голоса настолько естественно, что Валентайну не понадобилось следить за лицом Мириам, чтобы понять: вот этого сёстры не ожидали.

Мириам села.

— Значит, после Офелии он до вокзала не добрался.

— Во всяком случае, до саквояжа, — уточнил Фосс.

Валентайн откинулся в кресле. Раздражение, с которым он ещё несколько минут назад разглядывал билет, быстро теряло смысл. Тётушки действительно провели его за нос, только теперь выяснять меру их изобретательности было поздно.

— Вы устроили исчезновение Лайонела, чтобы дать ему спокойно уехать, — сказал он. — Боюсь, он испортил вам план: исчез по-настоящему.

Эстер побледнела. Мириам посмотрела на сестру, затем на саквояж.

Больше Валентайну от них ничего не требовалось. Направление у него появилось ещё утром; найденный багаж лишь сделал поездку к Блэквудам значительно менее факультативной.

Он взял перчатки.

— Бернард, утром едем в поместье.

— Экипаж будет готов, милорд.

Фосс поднял глаза от бумаг.

— Утром, Эштон.

— Именно это я и сказал.

— Решил убедиться, что мы одинаково понимаем значение слова.

Валентайн натянул перчатки и поднялся. Эстер всё ещё стояла возле саквояжа, придерживая пальцами край дорожного пальто.

— Лорд Эштон…

Он задержался у двери.

— Если Лайонел поехал к Эдмунду и там что-нибудь случилось…

Впервые за всё знакомство она оставила фразу незаконченной.

— Утром я буду там, — сказал Валентайн.

Эстер кивнула и отпустила пальто.

Бернард подал хозяину верхнюю одежду, Мерсер открыл дверь. Фосс уже снова перебирал бумаги, однако вслед Валентайну всё-таки бросил:

— И постарайтесь хотя бы по дороге домой ничего больше не расследовать.

— Постараюсь выбрать улицы поспокойнее.

***

На следующее утро Блэквудское поместье встретило их таким количеством сырости, что Валентайн впервые допустил: Офелия Морланд, возможно, всё-таки знала о Севере нечто существенное.

Бернард, обладавший превосходным инстинктом самосохранения, имя её благоразумно предпочёл забыть.

Последние мили дорога шла между голыми изгородями и размокшими полями, где ноябрь успел окончательно свести пейзаж к нескольким оттенкам серого. Сам дом оказался приятнее, чем Валентайн ожидал после рассказов о долгах, запущенном хозяйстве и почти совершеннолетнем наследнике, которому деньги мешали главным образом своим свойством заканчиваться. Старый светлый камень, тёмная крыша, ровный гравий подъездной аллеи; всё содержалось достаточно хорошо, чтобы разорение пока оставалось делом бухгалтерии, а не архитектуры.

Только дом выглядел усталым.

Так иногда стареют большие поместья: ещё задолго до того, как начинают течь крыши и выпадать стёкла.

Сад лежал за западным крылом, и вот там Валентайну стало значительно интереснее.

Яблони спускались по склону длинными неровными рядами. Старые, высокие, давно не видевшие хорошей обрезки, местами почти одичавшие — и при этом вполне живые. На голых ветках ещё держались редкие поздние плоды, под ногами в мокрой траве темнели опавшие яблоки. Ниже, у края сада, стоял длинный каменный корпус с невысокой трубой.

Валентайн задержал на нём взгляд.

— Сидровый дом? — спросил Бернард.

— Похоже.

Для хозяйственной постройки, которой будто бы почти не пользовались, здание выглядело подозрительно бодро. Крыша была цела, под навесом у стены лежали свежие дрова, а в размокшей земле возле ворот колёса недавно продавили глубокую колею.

Кто-то здесь работал.

И явно чаще, чем следовало из счетов.

Мириам Розен хотя бы насчёт яблок сказала правду.

Это несколько портило Валентайну удовольствие от обиды.

Сэр Реджинальд Блэквуд принял их в малой библиотеке и оказался человеком, которого Валентайн заранее приготовился невзлюбить, однако хозяин дома раздражающе долго не давал достойного повода.

Ему было около пятидесяти пяти. Высокий, сухощавый, с аккуратной сединой и лицом, которому спокойствие шло значительно больше улыбки. Серый костюм сидел безупречно и при этом не производил впечатления вещи, выбранной ради произведённого впечатления. Реджинальд говорил ровно, смотрел прямо, не суетился с руками и при упоминании племянника вздыхал именно настолько, насколько полагалось дядюшке, много лет имеющему дело с молодым родственником сомнительной финансовой дисциплины.

Эдмунд, по его словам, был молод, расточителен и пока не освоил важную разницу между капиталом и доходом.

— Говорят, особенно плохо он усваивает её по вечерам, — заметил Валентайн.

Реджинальд улыбнулся.

— Вы уже знакомы с его репутацией.

— Пока только со счетами.

Улыбка стала чуть уже.

Вот теперь разговор начал нравиться Валентайну больше.

Молодой Блэквуд пил, играл, занимал деньги и выбирал общество с той свободой, которая редко радует родственников, временно распоряжающихся семейным состоянием. Среди людей, чьего влияния сэр Реджинальд явно не одобрял, числился и Лайонел Розен.

— Талантливый человек, — сказал сэр Реджинальд с лёгким раздражением, словно талант Лайонела был ещё одной его дурной привычкой. — В этом, пожалуй, и заключается значительная часть беды.

— Обычно талант ставят в вину последним.

— Дурное влияние легче переносить, когда оно хотя бы плохо пишет.

Бернард у окна с неожиданным вниманием принялся рассматривать сад.

Валентайн же поймал себя на мысли, что Лайонел, вероятно, вызывал бы у него куда меньше симпатии, отзывайся сэр Реджинальд о нём с теплом.

— Когда вы виделись с Розеном в последний раз?

Хозяин поместья помедлил ровно столько, чтобы пауза выглядела естественной.

— Несколько недель назад.

— Значит, вчера он сюда не приезжал?

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно, и Валентайн оставил его без возражений. Иногда человеку полезнее дать время освоиться с собственной версией, чем сразу загонять её в угол.

Сад им показывал управляющий, мужчина лет сорока пяти с красными обветренными руками и лицом, которому английский климат давно задолжал крупную сумму и возвращать её явно не собирался. Рассказ его оказался вполне ожидаемым: деревья старые, урожаи год от года скромнее, рабочих содержать дорого, сидр нынче приносит мало, молодой хозяин хозяйством почти не интересуется, а сэр Реджинальд делает всё, что возможно в таких обстоятельствах.

До сидрового дома эта версия держалась вполне прилично.

Дверь стояла открытой. Внутри пахло яблоками, влажным деревом и тяжёлой кислой сладостью свежих выжимок. Вдоль стены тянулись чаны, дальше темнел пресс. Каменный пол недавно мыли, однако между плитами ещё сохранились липкие буроватые следы.

Валентайн провёл пальцем по краю ближайшего чана.

— Когда здесь закончили работу?

— На прошлой неделе, милорд.

— И сколько получили?

Управляющий пожал плечами.

— Несколько бочек.

У дальней стены стояла пустая тара. Валентайн насчитал около тридцати и решил, что дальнейшая арифметика вряд ли улучшит его настроение.

— Для нескольких бочек у вас удивительно предусмотрительное количество пустых.

Управляющий сделал вид, что замечание его не заинтересовало, и заговорил о прошлогоднем урожае.

На обратном пути Бернард свернул к боковому въезду у конюшен. Земля там ещё хранила ночную сырость, и в рыхлой грязи отчётливо проступали следы чужой лошади.

— Вчера сюда кто-то приезжал, — сказал он.

Валентайн подошёл ближе. Подкова была узкой, заметно отличалась от тех, которыми пользовались в хозяйстве, а на передней правой недоставало небольшого куска края. Следы шли от дороги к конюшне и обрывались возле привязи.

Бернард присел и осмотрел вытоптанную землю.

— Лошадь простояла достаточно долго. Несколько раз переступала, разворачивалась. Если спросить конюха, он наверняка её вспомнит.

— Иногда мне кажется, что вы тайно прожили ещё несколько жизней до поступления ко мне на службу.

Бернард поднялся и отряхнул перчатку.

— Одной вполне хватило, милорд. Просто она была насыщенной.

Этого Валентайн решил не развивать.

Через несколько минут им встретился Эдмунд.

Первое впечатление оказалось не слишком лестным для наследника: Эдмунд выглядел заметно хуже собственного поместья. Высокий, слишком худой, с тёмными волосами, упавшими на лоб, он был сер после бессонной ночи, а под глазами залегли тени. Судя по всему, вчера вино одержало убедительную победу. В его возрасте подобное ещё могло сойти за романтическую небрежность, хотя хороший врач наверняка выразился бы менее поэтично.

При этом Эдмунд был раздражающе красив и, судя по всему, совершенно этого не замечал.

— Лорд Эштон. Дядя сказал, что вы интересуетесь садом.

— В вашей семье удивительно быстро распространяются сведения о моих новых увлечениях.

Эдмунд пожал плечом.

— Здесь вообще всё быстро распространяется. Развлечений немного.

Валентайн оглянулся на сидровый дом.

— Уже заметил.

Уголок рта Эдмунда едва заметно дёрнулся, и Валентайн решил перейти к тому, ради чего приехал.

— Лайонел Розен был здесь вчера?

Голубые глаза сразу поднялись к нему.

— Нет. Я его не видел.

Второй ответ прозвучал осторожнее первого. Валентайн оставил это без замечаний и спустя несколько шагов спросил:

— Тогда, пожалуй, поговорим о записке, которую вы отправили ему вчера вечером.

Эдмунд замолчал.

— Около семи её принесли Розену в Лондоне. Он прочёл несколько строк, назвал автора идиотом и почти сразу ушёл. Я допускаю, что у него есть ещё один молодой знакомый, которого он зовёт мальчиком и считает идиотом, но пока выбор невелик.

На лице Эдмунда мелькнула обида, неожиданно искренняя и явно обращённая к Лайонелу. Валентайн невольно улыбнулся.

— Значит, всё-таки вы.

— Он действительно сказал «идиот»?

— Боюсь, именно это вас сейчас выдаёт сильнее всего остального.

Эдмунд отвёл глаза и некоторое время смотрел на мокрую дорожку.

— Записку отправил я.

— И Розен приехал?

После короткого колебания Эдмунд кивнул.

— Вечером.

Выяснилось, что сэр Реджинальд собирался дать племяннику на подпись бумаги по старому долгу и участку земли возле сада. Эдмунд видел их раньше, однако в новой редакции несколько пунктов изменились, а суммы стали заметно менее приятными. Лайонел ещё несколько недель назад велел ничего не подписывать без независимого поверенного и повторял это с такой настойчивостью, словно заранее ждал именно подобного случая.

Поэтому Эдмунд и послал за ним.

Розен приехал вечером, прочёл бумаги и, по выражению хозяина дома, устроил скандал.

— Насколько содержательный?

Эдмунд помедлил.

— Назвал дядю вором.

— И ограничился этим?

— Разумеется, нет.

Остальное он пересказывал уже с явной неохотой. Лайонел потребовал счета по сидровому хозяйству, затем стал выяснять у управляющего, куда уходит часть урожая и почему записи в книгах плохо согласуются с тем, что хранится в подвалах. После этого разговор окончательно перестал напоминать семейное обсуждение финансов.

— А вам досталось что-нибудь помимо полезных советов?

Эдмунд нахмурился.

— Он велел мне ничего не подписывать.

— Это я уже понял.

— Ещё сказал, что сломает мне пальцы, если подпишу.

Валентайн приподнял бровь.

— Трогательно.

— У него такой способ беспокоиться. От обычного человеку становится неловко.

Эта реплика прозвучала неожиданно просто и окончательно отделила Эдмунда от Лайонела, чью манеру он до сих пор невольно напоминал лишь общей склонностью защищаться насмешкой.

Валентайн некоторое время шёл рядом, обдумывая услышанное. Тётушки, Офелия и сам Эдмунд всякий раз останавливались примерно в одном месте, когда разговор касался отношений между молодыми людьми. Никакой особой тайны здесь могло и не быть; скорее существовала граница, за которую окружающих давно приучили не заходить.

— Вы с Розеном близки?

Эдмунд посмотрел на него уже без прежней растерянности.

— Насколько близкий ответ вам требуется?

— Правдивого будет достаточно.

— Тогда спросите у Лайонела.

— Его сейчас несколько затруднительно найти.

— Значит, придётся потерпеть неизвестность.

Эдмунд отвёл взгляд. Продолжать эту тему он явно не собирался, и Валентайн оставил её в покое. Сейчас его куда больше интересовало, когда Лайонел покинул поместье.

По словам Эдмунда, произошло это утром, однако свидетелей его отъезда не нашлось. Около десяти вечера камердинер принёс в комнату Эдмунда ужин на двоих; позднее горничная забрала посуду и пустую бутылку бренди. Конюх подтвердил, что вечером поставил чужую

лошадь в крайнее стойло. К утру стойло опустело, но кто вывел животное и в котором часу, он не видел.

При этом сэр Реджинальд продолжал уверять, что Лайонел Розен вчера в доме вообще не появлялся.

К полудню Валентайн успел устать от Блэквудов так же основательно, как накануне от рассуждений Офелии о Севере.

У парадных ступеней Эдмунд догнал его.

— Лорд Эштон.

Валентайн остановился. Юноша сбежал по ступеням, но возле экипажа куда-то растерял прежнюю решительность и некоторое время смотрел мимо него.

— Если найдёте Лайонела, не отдавайте его сразу полиции.

— После нашего разговора просьба довольно смелая.

— Я знаю.

— И всё же решили попросить.

Эдмунд провёл ладонью по волосам.

— Потому что Лайонел считает, что дядя пытается меня убить.

Пальцы Валентайна замерли на застёжке перчатки.

— Почему?

— Он толком ничего не объяснил. Велел не есть то, что подают отдельно от общего стола, и держаться подальше от серой кобылы.

— Давно?

— Недели две назад.

— Что с кобылой?

Эдмунд чуть помедлил.

— Через два дня лопнула подпруга.

Валентайн уже смотрел на него без прежней насмешки.

— Вы были верхом?

— Да. Разбил плечо, но обошлось.

Слишком быстрое «обошлось» звучало так, будто Эдмунд успел повторить его несколько раз — и себе, и окружающим.

— А Розен?

— Пришёл в ярость.

— На кого?

Эдмунд взглянул на окна дома.

— Вот этого он мне и не сказал.

Бернард уже держал дверцу экипажа открытой, однако Валентайн задержался ещё на минуту.

— Если вспомните что-нибудь ещё, пришлите записку. Желательно раньше, чем успеете придумать версию поудобнее.

Эдмунд на этот раз принял укол без возражений и только кивнул.

Обратная дорога заняла несколько часов. Дождь почти прекратился, но колёса по-прежнему вязли в размокшей земле, и первые мили Валентайн молчал, глядя на мокрые поля за стеклом.

Поездка оставила после себя слишком много вещей, которые плохо уживались друг с другом. Сэр Реджинальд уверял, что Розена в доме не было, хотя ужин на двоих, чужая лошадь в конюшне и рассказ Эдмунда говорили обратное. Сидровое хозяйство тоже оказалось куда деятельнее собственных счетов. Сам Эдмунд сначала соврал о визите Лайонела, а затем почти сразу выдал и записку, и семейный скандал, и страхи Розена насчёт дяди.

Самым неприятным было даже не это.

Лайонел приехал сюда вечером, провёл ночь в доме, а утром снова исчез.

— Что думаете? — спросил Валентайн наконец.

Бернард некоторое время смотрел в окно.

— Думаю, мистер Розен знал больше, чем собирался рассказывать окружающим. Вопрос лишь в том, насколько больше.

— А Блэквуды?

— Мальчишка напуган сильнее, чем хочет показать. Дядюшка сердится сильнее, чем имеет основания.

На этом Бернард вернулся к окну, и Валентайн оставил его в покое.

В Лондон они въехали в сумерках. На улицах уже зажигали газ, колёса экипажей шуршали по мокрой мостовой, и после нескольких часов среди полей город казался даже уютным.

У дома ждал полицейский посыльный.

Бернард принял конверт, расплатился с пареньком и передал записку хозяину. Валентайн узнал почерк Фосса ещё до того, как развернул бумагу.

Сообщение состояло из одной строки:

Мистер Розен нашёлся. К сожалению, живым.

Валентайн перечитал её и передал записку Бернарду.

— Похоже, наш пропавший поэт снова существует.

Бернард пробежал глазами сообщение.

— Судя по формулировке инспектора, весьма деятельно.

— Фосс редко жалеет о том, что подозреваемые живы.

— Вероятно, мистер Розен успел дать ему повод пересмотреть взгляды.

После последних суток Валентайн был готов считать это отдельным преступлением.

Две тётушки выдавали ему правду небольшими порциями. Офелия Морланд сумела превратить исчезновение человека в философский спор о Севере. Селеста Бёрн обладала ключом от чужой комнаты, доступом к тайнику и странным влиянием на одного полицейского сержанта. Молодой Блэквуд несколько часов врал, прежде чем признался, что сам вызвал Розена. Его дядя продолжал врать значительно профессиональнее. Управляющий объяснял тридцать бочек несколькими бочками сидра.

А человек, вокруг которого всё это происходило, теперь просто взял и нашёлся.

— Экипаж не распрягать, — сказал Валентайн.

Бернард уже собирался отдать соответствующее распоряжение.

— Я так и предполагал.

— Разумеется.

Валентайн развернулся к дому, потом передумал и снова направился к экипажу.

— Если он сейчас сидит у Фосса совершенно здоровый, я буду крайне недоволен.

— Полагаю, инспектор уже справился с этой обязанностью.

На лице Бернарда ничего не изменилось.

И именно поэтому Валентайну захотелось выгнать его из экипажа.

Когда они снова подъехали к полицейскому участку, настроение успело испортиться окончательно. Второй визит за день уже трудно было считать случайностью. Дежурный констебль узнал Валентайна и без объяснений показал наверх, что оказалось почему-то особенно неприятно.

Фосс находился в прежнем кабинете.

На этот раз рядом с ним сидел Лайонел Розен.

Он устроился боком к столу, вытянув левую ногу. Светлое дорожное пальто лежало на соседнем кресле, рубашка была смята, жилет застёгнут неверно. После сырости почти льняные волосы высохли беспорядочными завитками возле лба. Лицо немного осунулось; под глазами легли тени, однако общего впечатления виновности это почему-то совершенно не прибавляло.

Лайонел выглядел так, будто последние сутки обошлись с ним скверно, но уже успели дать достаточно материала для наблюдений.

Он поднял светлые серые глаза и некоторое время рассматривал вошедших, прежде чем остановиться на Валентайне.

— Лорд Эштон. Кажется, мы уже встречались.

— Однажды.

— Рад, что мне не придётся освежать вам память.

По выражению Лайонела было ясно, что именно на это он, возможно, и рассчитывал.

Фосс поднял голову от бумаг.

— Прекрасно. Тогда хотя бы выяснение обстоятельств вашего знакомства можно исключить из сегодняшней программы.

Розен устроился в кресле удобнее.

— Инспектор с утра чрезвычайно бережёт время.

— С тех пор как вы отняли у меня значительную его часть.

Фосс произнёс это настолько сухо, что продолжать тему Лайонел благоразумно не стал.

Бернард остался возле двери, и инспектор заметил его лишь через несколько секунд.

— Вы тоже намерены присутствовать?

— Если это не помешает, инспектор.

— А если помешает?

— Тогда подожду снаружи.

Фосс посмотрел на него, словно прикидывал, стоит ли тратить ещё минуту на совершенно бесперспективный спор, и в конце концов махнул рукой.

На столе лежала тетрадь, которую утром забрал Мерсер. Лайонел заметил её сразу.

— Это Селестина тетрадь.

— Сейчас она находится у полиции.

— Селеста об этом знает?

— Уже знает.

Лайонел чуть помедлил.

— Тогда, пожалуй, вам действительно есть о чём беспокоиться.

Фосс оставил замечание без ответа и вернулся к аконитy.

Розен подтвердил, что настойка принадлежала ему, но определить время исчезновения флакона не смог. Летиция Вейн бывала в его кабинете достаточно часто, иногда оставалась там одна и прекрасно знала, где он держит коллекцию.

— А ключ? — спросил Фосс.

— В верхнем ящике письменного стола.

Инспектор посмотрел на него поверх листа.

— Удобное место для человека, который хранит яды.

— До этой недели я несколько переоценивал способность гостей не красть их из чужих кабинетов.

— Советую пересмотреть систему.

— Уже.

Последний ответ прозвучал серьёзнее прежних, и Фосс задержался на Летиции. Он подробно расспросил, когда она приходила в последний раз, о чём говорила, просила ли денег, жаловалась ли на Агату Брамбл и проявляла ли особый интерес к коллекции.

Лайонел отвечал без спешки и довольно точно. Иногда останавливался, восстанавливая последовательность событий, один раз сам поправил названную дату. В такие минуты от привычного светского бездельника, которого наперебой описывали его знакомые, оставалось немного.

Валентайн слушал молча.

Закончив очередной ответ, Розен повернулся к нему и вдруг задержал взгляд на серьге.

— В прошлый раз у вас была другая.

Валентайн не сразу понял, о чём речь.

— Серьга, — пояснил Лайонел. — Длиннее этой, с красным камнем.

Они виделись всего однажды, около полутора лет назад, на вечере, от которого у самого Валентайна сохранилось лишь несколько разрозненных воспоминаний.

— Вы всегда настолько внимательно рассматриваете вещи незнакомых людей?

Лайонел задумался, словно вопрос и правда требовал ответа.

— Нет. Только когда человек выбирает их правильно.

Комплимент прозвучал настолько буднично, что Валентайн не сразу решил, был ли это вообще комплимент.

Фосс медленно положил карандаш.

— Могу я хотя бы в собственном кабинете рассчитывать, что вы оба некоторое время будете отвечать на те вопросы, которые задаю я?

Лайонел повернулся к нему с выражением безукоризненной готовности сотрудничать.

— Разумеется, инспектор. Постараюсь не разрушить эту надежду в первые же пять минут.

— Было бы приятно для разнообразия.

Дальше разговор снова вернулся к делу, и некоторое время Розен действительно держался почти образцово. Перемена стала заметна лишь тогда, когда Фосс упомянул Блэквудов и сообщил, что Валентайн провёл в их поместье добрую половину дня.

Лайонел, до этого сидевший в кресле весьма лениво, выпрямился и опустил ногу на пол.

— Зачем вы туда ездили?

— Искал вас.

Улыбки на этот раз не последовало.

— И что нашли?

Розен без особого сопротивления признал, что накануне вечером приехал к Эдмунду по его записке, но подробности семейных дел Блэквудов оставил при себе. По его словам, сэр Реджинальд вполне способен сам объяснить, почему предпочёл сделать вид, будто визита вообще не было.

— Уже объяснял, — заметил Фосс.

Лайонел чуть повёл плечом.

— Тогда вы представляете, насколько содержательной оказалась беседа.

Валентайн всё это время наблюдал за ним. Нахальство никуда не делось, однако рядом с именем Эдмунда оно начинало работать иначе. Привычная лёгкость стала способом держать остальных на расстоянии.

— Молодой Блэквуд, к слову, тоже врёт, и плохо, — сказал Валентайн.

Лайонел повернулся к нему.

— Эдмунд вообще многое делает плохо.

— Ложь особенно. Полдня уверял меня, что вы уехали утром и беспокоиться совершенно не о чем.

На этот раз ответ задержался. По лицу Лайонела промелькнул вопрос, который он успел удержать прежде, чем тот добрался до языка, и Валентайну эта короткая тревога понравилась значительно меньше обычного бесстыдства.

Фосс предпочёл не превращать допрос в исследование чужих отношений и закрыл папку.

— На сегодня хватит. До выяснения истории с аконитом останьтесь в Лондоне.

— Насколько настоятельна эта просьба?

— Достаточно, чтобы вам не захотелось проверять границу между просьбой и распоряжением.

— Формулировка почти заботливая.

— Не привыкайте.

Лайонел поднялся. После долгого сидения левая нога слушалась хуже; он опёрся ладонью о край стола, переждал боль и только потом потянулся за пальто.

Фосс заметил это движение.

— А трость?

— Осталась дома. Вчера я рассчитывал выйти всего на несколько часов.

Валентайн усмехнулся.

Лайонел, уже надевавший пальто, покосился на него.

— Вас что-то развеселило?

— За последние двое суток слова «всего на несколько часов» приобрели вокруг вас довольно зловещий оттенок.

— Учту на будущее и стану сообщать, что исчезаю на неопределённый срок.

На этот раз Фосс даже головы не поднял.

— Просто не исчезайте.

Когда дверь за Розеном закрылась, инспектор ещё немного полистал бумаги, затем отложил их и устало провёл ладонью по лицу.

— Меня в нём смущает одна вещь.

— Только одна? — спросил Валентайн.

— Для начала. Он слишком спокойно признаёт всё, что другой подозреваемый постарался бы спрятать. Флакон принадлежит ему, Вейн бывала в кабинете одна, знала, где стоит шкаф, а ключ лежал в верхнем ящике стола. Она могла взять аконит сама, могла получить его от Розена. Пока обе версии одинаково возможны.

— А Блэквуды?

Фосс посмотрел на него с нескрываемым недовольством.

— Моё дело пока называется «Брамбл».

— Потрясающая привязанность к названиям.

— Благодаря таким привязанностям у меня иногда остаётся работа после того, как вы заканчиваете помогать.

Валентайн натянул перчатки и дошёл почти до двери, когда Фосс всё-таки окликнул его.

— Эштон. Постарайтесь хотя бы сегодня не углубляться в историю Блэквудов сильнее, чем уже успели.

На улице морось перешла в мелкую ледяную крупу. Лайонел стоял под навесом табачной лавки, без особого успеха пытаясь прикурить: ветер гасил спичку за спичкой.

Заметив Валентайна, он убрал очередную в коробок.

— Если Фосс прислал вас вернуть меня, передайте, что я глубоко тронут масштабом государственной заботы.

— Фосс рассчитывает справиться с вами собственными средствами. Меня интересует Блэквуд.

Лицо Лайонела сразу стало серьёзнее.

— Что Эдмунд рассказал?

— Значительно меньше вас.

— Тогда разговор у вас получился короткий.

Лайонел спрятал спички в карман и прислонился плечом к витрине. Некоторое время они слушали, как вода стекает с края навеса тонкими холодными струями.

— Про подпругу он всё-таки сказал?

— Сказал. Остальное, судя по вашему тону, оставил при себе.

Лайонел кивнул.

— Через три недели после падения случился камин. Эдмунд проснулся ночью с тяжёлой головой и тошнотой. Сначала решил, что опять перебрал вечером, но состояние быстро ухудшалось. Он вышел в коридор скорее по инстинкту, чем по здравому рассуждению, и через несколько минут уже едва держался на ногах.

— Угарный газ?

— Похоже на то. Я потом осмотрел камин и дымоход. Сам дымоход был исправен, проблема оказалась в заслонке.

Валентайн взглянул на него с невольным удивлением.

Лайонел уловил его реакцию.

— У меня встречаются полезные навыки, Эштон. Просто светское общество редко создаёт условия, в которых ими удобно хвастаться.

— Пожалуй, оставлю происхождение этих навыков для другого раза.

После камина, продолжил Лайонел, произошла история с каретой. На спуске разболтался крепёж переднего колеса; Эдмунд отделался ушибами и сильно разбитым плечом. Кучер уверял, что утром проверял экипаж, а мастер после ремонта выразился предельно просто: железо само себя так не раскручивает.

— Получается три случая за несколько месяцев, — сказал Валентайн.

— Четыре.

Лайонел отвернулся к улице и некоторое время следил за прохожими под зонтиками.

— Летом Эдмунд несколько дней болел. Желудок, жар, слабость. Врач решил, что дело в испорченной пище, а через несколько дней всё прошло, поэтому никто особенно не встревожился. Потом выяснилось, что остаток паштета он отдал собаке. К утру она умерла.

Валентайн уже понимал, к чему ведёт рассказ.

— Еду тогда не проверяли?

— Никому не пришло в голову. В тот момент это выглядело как две отдельные неприятности: молодой человек с расстроенным желудком и мёртвая собака. Последовательность появилась гораздо позже. Большие дома вообще удивительно хорошо умеют объяснять каждую неприятность отдельно.

С этим Валентайн спорить не собирался.

— И поэтому вы начали следить за Реджинальдом?

— Я начал присматриваться к нему. Это всё-таки разные вещи.

— Формально.

Лайонел пропустил замечание.

— Если Эдмунд умрёт прежде, чем окончательно вступит во владение имуществом, дядя получит куда больше свободы в распоряжении хозяйством. Мотив достаточно очевидный, хотя сам по себе он ничего не доказывает.

— Зато вполне оправдывает любопытство.

На этот раз Лайонел чуть улыбнулся.

— Вот поэтому с вами иногда можно разговаривать.

— Не превращайте это в привычку.

Улыбка исчезла так же быстро, как появилась.

— Есть ещё кое-что. Я видел сэра Реджинальда там, где человеку его положения появляться было бы довольно трудно объяснить.

Дважды Блэквуд ездил к востоку от Сити без своего экипажа. Оставлял привычного кучера, пересаживался на наёмный кэб, выходил в районах, где дорогой костюм быстро превращался из преимущества в примету. Среди дешёвых скупщиков, подпольных игорных комнат, сомнительных лавок и трактиров, возле которых приличные люди обычно ускоряли шаг.

— Вы следили за ним?

— Один раз.

— Почему один?

— Он меня заметил бы.

Ответ был настолько простой, что Валентайн поверил.

Реджинальд вошёл в небольшой трактир возле Севен-Дайалс и провёл там около сорока минут. Лайонел внутрь не пошёл: лицо его знали слишком многие, особенно среди людей, знакомства с которыми в молодости казались ему достоинством.

Через два дня один из старых приятелей сообщил, что сэр Реджинальд расспрашивал о человеке, способном уладить «частное затруднение» без лишних вопросов.

— Имя есть?

— Нет.

— Что именно требовалось?

— Тоже не знаю.

— Значит, пока у вас слух из трущоб. И четыре несчастных случая.

— Да.

— И дядя, которому смерть наследника довольно выгодна.

Лайонел отвернулся к дождю.

— Я очень хочу, чтобы всё это оказалось совпадением.

Вот теперь в голосе не осталось ничего привычно лёгкого.

Валентайн некоторое время смотрел на его профиль. Впервые перед ним стоял не известный половине города поэт с отвратительной репутацией и прекрасным мнением о себе, а человек, который несколько месяцев наблюдал, как рядом с кем-то дорогим одна за другой происходят вещи, каждую из которых ещё можно объяснить.

Все вместе эти случайности объяснялись уже заметно хуже, и Валентайн некоторое время молча смотрел на дождь, прежде чем повернуться к Лайонелу.

— Фоссу вы всё это расскажете. Желательно сегодня и в том же объёме, в каком рассказали мне.

— Расскажу, — после короткой паузы ответил Розен. — Хотя не понимаю, почему для вас так важно, чтобы я явился к нему лично. Он вряд ли станет больше доверять сведениям только потому, что я принесу их собственными ногами.

— Дело не в доверии. Просто мне хотелось бы хотя бы раз увидеть, как вы сами доводите до конца что-нибудь полезное.

Лайонел посмотрел на него, явно решая, стоит ли отвечать, затем только хмыкнул.

— Хорошо. Сам схожу. Теперь вы удовлетворены?

Странным образом именно это спокойное согласие прозвучало серьёзнее всего, что он говорил за последние несколько минут.

Лайонел достал часы и поморщился.

— А теперь, если бесплатный допрос закончен, мне всё-таки придётся заняться билетом. После вчерашнего мой прежний маршрут, кажется, окончательно утратил практическую ценность.

— Вы всё ещё собираетесь в Париж?

— Собираюсь. Хотя последние сутки убедительно показали, что между намерением куда-нибудь уехать и фактическим отъездом существует неприятно широкое пространство.

— Вот эту мысль я бы на вашем месте запомнил.

— Поверьте, Эштон, после двух пропущенных поездов подряд я уже достаточно восприимчив к воспитанию.

Он убрал часы и собирался выйти из-под навеса, когда Валентайн неожиданно окликнул его.

Мысль появилась совершенно без необходимости и потому сразу показалась заманчивой.

— Розен, подождите.

Лайонел обернулся.

Валентайн достал визитную карточку, перевернул её и несколько секунд писал на обороте, прикрыв бумагу ладонью от дождевых брызг. Потом протянул карточку Розену.

Тот прочёл имя и адрес дважды.

— Я полагаю, это женщина.

— Ваши способности продолжают меня тревожить.

— Парижский адрес и женское имя оставляют не так много вариантов. Мы знакомы?

— К счастью для неё, пока нет.

Лайонел поднял взгляд.

— Тогда почему я держу её адрес?

— Вы всё равно едете в Париж. В какой-то момент вам наверняка станет скучно, а скуку вы, насколько мне удалось понять, переносите особенно разрушительно. Можете нанести визит.

Теперь Лайонел заинтересовался по-настоящему. Он ещё раз прочёл имя, уже внимательнее, словно надеялся обнаружить в нескольких буквах объяснение чужой прихоти.

— Вы часто снабжаете почти незнакомых мужчин адресами женщин, которых они никогда не видели?

— Исключительно в особых случаях.

— А этот чем заслужил такую честь?

Валентайн застегнул перчатку и только потом ответил:

— У меня с этой дамой достаточно сложная история.

Лайонел медленно поднял глаза от карточки. На этот раз он не торопился превращать догадку в шутку.

— Бывшая возлюбленная?

Валентайн выдержал паузу.

— Иногда вы понимаете слишком много для человека, который так старательно производит впечатление беспечного идиота.

— Это один из моих немногих устойчивых талантов.

Он снова посмотрел на имя.

— Значит, вы действительно хотите, чтобы я с ней встретился.

— Я дал вам адрес. Всё остальное оставляю на вашей совести, если она когда-нибудь объявится.

— А она красивая?

Валентайн посмотрел на него с некоторым раздражением.

— Да, Лайонел. Она красивая, умная, свободная и вполне способна самостоятельно решить, следует ли выставить вас за дверь через пять минут или позволить задержаться дольше. Этого описания достаточно?

— Вы её всё ещё любите?

На несколько секунд между ними остался только шум дождя.

Потом Валентайн протянул руку.

— Верните карточку.

Лайонел сразу убрал её во внутренний карман пальто.

— Теперь уже поздно. Но вопрос можете считать снятым.

По выражению его лица было ясно, что снятым он считал только вопрос, а ответ получил.

Валентайну это совершенно не понравилось.

— На всякий случай предупрежу: обычный набор ваших достоинств на неё может не подействовать. Стихи, лицо, дурная слава и привычка входить в чужую жизнь без разрешения — всё это она уже переживала в более качественном исполнении.

Лайонел чуть прищурился.

— Начинаю подозревать, что вы надеетесь увидеть меня униженным.

— Я рассчитываю на её здравый смысл.

— Значит, именно на это и надеетесь.

Розен рассмеялся, но уже тихо, почти себе под нос.

— Господи, Эштон. А вы гораздо мстительнее, чем кажетесь.

— Наконец за весь день вы сделали правильный вывод.

— И всё же мне понадобится способ сообщить о результате. Исключительно из уважения к человеку, который так щедро организовал мою парижскую программу.

— Никаких сообщений.

— Даже если встреча окажется исключительно удачной?

— Особенно в этом случае.

Лайонел некоторое время смотрел на него, затем кивнул с таким видом, будто они только что заключили соглашение, условий которого Валентайн сам до конца не понимал.

— Хорошо. Теперь Париж хотя бы обещает что-нибудь помимо дождя и долгов.

— Вы до него сначала доберитесь.

Розен приподнял шляпу и шагнул под дождь.

— Лайонел.

Он остановился и обернулся.

Имя прозвучало само собой, хотя прежде Валентайн ни разу его так не называл. Розен это заметил; лицо сразу стало серьёзнее.

— Насчёт Эдмунда. Я передам Фоссу всё, что вы рассказали, и сам посмотрю, что происходит у Блэквудов. Оставлять эту историю на семейного врача и здравомыслие мальчика я бы тоже не стал.

Лайонел несколько секунд ничего не говорил. В обычной ситуации он наверняка нашёл бы подходящую реплику, но сейчас обошёлся без неё.

— Спасибо.

Он ушёл, заметно прихрамывая, и вскоре растворился среди зонтов и серой уличной мороси.

Бернард появился рядом только после того, как Розен скрылся за углом. Валентайн услышал его шаги, но оборачиваться не стал.

— Если вы сейчас собираетесь сообщить, что случайно ничего не слышали, сберегите силы.

— Я и не собирался, милорд. На таком расстоянии было бы трудно сохранить убедительность.

Они направились к экипажу. Бернард молчал дольше обычного, и постепенно само это молчание стало раздражать.

— Ну?

— Я пока ничего не сказал.

Бернард открыл дверцу и только тогда позволил себе вопрос:

— Я хотел убедиться, что правильно узнал имя на карточке. Это действительно была та самая дама из Парижа?

Валентайн остановился, положив руку на край дверцы.

— Вы прекрасно знаете, что правильно узнали.

Бернард помог ему сесть и больше к этой теме не возвращался, чем окончательно испортил хозяину удовольствие от последнего слова.

К вечеру дело Агаты Брамбл наконец сдвинулось к завершению.

Фосс прислал записку, из которой следовало, что после очередного допроса Летиция Вейн отказалась от последней версии, которую ещё пыталась защищать. Аконит она действительно не покупала. Несколько недель назад, оставшись одна в кабинете Розена, она взяла фла-

кон из шкафа и унесла с собой, рассчитывая, что хозяин не заметит пропажи небольшой части настойки.

Флакон нашли там, где она спрятала его после убийства.

Таким образом, Лайонел к происхождению яда отношения не имел.

На полях Фосс добавил несколько строк уже от себя.

Розен дал показания относительно Блэквудов. Я совершенно определённо велел ему не покидать Лондон до окончания проверки.

Следующая фраза была написана с таким нажимом, что перо почти прорвало бумагу.

Через несколько часов он уехал.

Валентайн передал записку Бернарду.

Тот прочёл её от начала до конца и вернул.

— Куда?

— В клубе сказали, что он успел на поезд до Дувра. Видимо, на этот раз решил не давать обстоятельствам третьей попытки сорвать ему Париж.

Валентайн раскрыл газету, нашёл нужную страницу и некоторое время делал вид, что действительно собирается читать.

Потом всё-таки спросил:

— Он уехал один?

Бернард посмотрел на хозяина внимательнее.

— Да, милорд.

Валентайн опустил глаза к газете и добрался примерно до третьей строки, прежде чем поймал себя на совершенно неуместной улыбке.

Он ещё несколько секунд смотрел на текст, уже ничего в нём не видя, затем сложил газету и отправился за коньяком.

Сажа и засахаренные фиалки

Место встречи выбрал Бернард.

Это был небольшой кинематографический зал неподалёку от Лестер-сквер, устроенный в бывшем театре варьете и сохранивший от прежних времён красный бархат, золочёные завитки на балконах и стойкий запах пыли, которой, казалось, было больше лет, чем самому зданию. У входа горели электрические лампы. Над кассой висела афиша с бледной красавицей, привязанной к железнодорожным путям, и молодым человеком, который явно собирался спасти её в последнюю секунду.

Валентайн задержался перед афишей.

— Если поезд всё-таки успеет первым, вечер уже нельзя будет считать совершенно потерянным.

Бернард отдал билеты контролёру.

— Боюсь, публика не простит такой смелости.

Они пришли не ради движущихся картин.

После возвращения из участка Бернард исчез на несколько часов, а к ужину сообщил, что один из его старых знакомых сумел кое-что узнать о недавних прогулках сэра Реджинальда Блэквуда по Севен-Дайалс. Каким образом старые знакомые Бернарда раз за разом обнаруживались именно там, где приличный дворецкий не должен был знать вообще никого, Валентайн спрашивать перестал несколько лет назад.

На этот раз знакомой оказалась женщина.

— Мисс Маклейн, — повторил он, когда они проходили в практически пустой зал. — И чем занимается мисс Маклейн?

— Живёт, милорд.

— Исчерпывающе.

Встречу назначили после последнего сеанса. Мисс Маклейн должна была подойти к боковому выходу, когда публика разойдётся. Почему нельзя было встретиться в кафе, гостинице или, в крайнем случае, в доме Эштона, Бернард не объяснил.

Валентайн подозревал, что объяснение ему не понравилось бы.

Они заняли места ближе к проходу. В зале набралось человек двадцать: пожилая пара впереди, две девушки в одинаковых тёмных пальто, несколько мужчин, пришедших поодиночке, семейство с сонным ребёнком и дама в огромной шляпе, из-за которой половине заднего ряда приходилось знакомиться с искусством по слуху.

Пианист лениво перебирал клавиши.

Валентайн снял перчатки, положил их на колени и машинально оглядел зал. Женщины, которую Бернард мог бы приветствовать хотя бы взглядом, среди зрителей не обнаружилось.

— Она придёт после сеанса?

— Если сказала, что придёт — то да.

— Ваша вера в человечество начинает меня тревожить.

— В человечество — нет.

На свободное кресло справа опустилась молодая женщина в персикового цвета шляпке.

Не просто персиковой — Валентайн успел это оценить, потому что шляпка оказалась непосредственно перед его глазами, пока её хозяйка устраивалась. Широкая лента была завязана сбоку в бант, а у поля торчали две маленькие искусственные фиалки.

— Простите, — сказала она и тут же улыбнулась так, словно прощение уже получила. — Она всё время цепляется. Я говорила модистке, что поле слишком широкое, но она уверяла, будто именно такие сейчас носят в Париже. Вы были в Париже?

— К сожалению.

— Не понравилось?

— Напротив. Поэтому и к сожалению.

Она секунду подумала, потом рассмеялась.

У женщины были светлые кудри, круглое живое лицо и удивительная способность смотреть на собеседника так, будто разговор между ними шёл уже по меньшей мере четверть часа.

— Мейбл Хьюз. Мы уже разговариваем, а вы до сих пор не знаете, как меня зовут.

Она протянула руку с такой естественностью, словно знакомство состоялось давно и теперь требовало лишь формального завершения. Валентайн на секунду задержал взгляд на её пальцах, потом всё-таки пожал ладонь. На среднем осталась белая крупинка сахарной пудры.

— Валентайн Эштон.

— Я знаю.

Сказано это было настолько буднично, что он невольно заинтересовался, но Мейбл уже раскрывала маленькую сумочку.

— Хотите фиалку?

На ладони у неё лежали крошечные засахаренные цветы.

— Нет, благодарю.

— Зря. Они хорошие. Я беру их на Ковентри-стрит, там недавно открылась совсем маленькая кондитерская. У них ещё чудесный бисквит с персиками. Настоящими, представляете? Хотя хозяйка говорит, что французские, а я думаю — консервированные. Французы ведь тоже умеют консервировать персики?

Валентайн медленно посмотрел через свободное кресло на Бернарда. Тот с безупречным спокойствием разглядывал экран, хотя фильм ещё даже не начался.

— Ни слова.

Свет погас прежде, чем Мейбл успела выяснить, что именно Бернарду запрещено. На белом полотне задрожал вокзал, пианист подобрал музыку поживее, и первые три минуты Валентайн ещё питал слабую надежду, что темнота вместе с необходимостью следить за сюжетом окажутся сильнее его соседки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.